

Сказание об охотнике Коожоожаше

Киргизский эпос

КИРГИЗГОСИЗДАТ — ФРУНЗЕ * 1958

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

О сыне Карыпбая охотнике Коджоджаше из рода кытая

Между небом и землей,
Между солнцем и горой,
Где берет река Талас
В ледниках воды запас,
Где меж гор раскинут дол,
Что зовется Каракол,—
Там киргизский род кытай
По нагорьям кочевал,
Двадцать дымов, двадцать юрт
На стоянках расставлял.
Досточтимый Карыпбай
Род кытаев возглавлял.

У него был сын один,
И охотником был сын,
Прозывался Коджоджаш.
«Коджоджаш — любимец наш»,
«Коджоджаш — кормилец наш».—

Так своим любимцем горд,
Коджоджаша звал народ.
Коджоджаш был смел и скор,
Черный глаз его остер,

Велика к охоте страсть,
За нее готов пропасть.
Не любил он есть и спать,
Чай зеленый распивать,
А любил с ружьем в руках
Пропадать в глухих горах,
За попутный камень лечь,
Зверя встретить, подстеречь...
Месяцами он в аил*
Свой родной не приходил,
Устали не знал в ходьбе,
В испытаньях и в борьбе,
И уже в двенадцать лет
Знал звериный каждый след.

Гладя ствол ружья рукой,
Он говаривал порой:
«Матери один сынок.
С малолетства я стрелок.
Камень гор — мое жилье,
Горный ключ — мое питье,
А богатство все мое —
Дальнобойное ружье.
Я охотою силен,
Для нее на свет рожден».

Как он кииков** стрелял!
Сто? — Так сто на месте клал,
Тень скользнет по краю скал —
На прицел ее он брал,
Медленно курок спускал,
И срывались со скалы
Круторогие козлы.

---

* Аил — селение, становище.
** Киик — горный козел.

В шкуры кииков одет,
В свой аил он шел чуть свет,
И тотчас же двадцать юрт
Под котлами хворост жгут,
Варят мясо и жуют
И, насытившись, поют:
«Ой, спасибо, Коджоджаш,
Век живи, кормилец наш,
Ты единственный стрелок,
Наш охотник, Коджоджаш,
Ты, владеющий ружьем
В шесть нарезов, Коджоджаш,
Сытно мы теперь живем,
Нам полезен, Коджоджаш.
Ой, спасибо, Коджоджаш,
Век живи, красавец наш!»

Вот каким охотник был,
Всех людей один кормил,
Ой-ей-ей! Эй-ей-ей! Коджоджаш
мерген![*]
Завладела сердцем страсть,
За нее готов пропасть!
Звякнет камешек в горах,
Зажурчит вода в ручьях,
Зарычит медведь в кустах,
Закружится в небесах
Стая перелетных птах,—
Вздрогнет он, и одержим,
В путь идет с ружьем своим.
Горы, долы со зверьем —
Для него родимый дом.

Вскинет на плечо ружье
И забудет обо всем.
Твердый, как гранит вершин,
Остроглазый исполин.
Был выносливей верблюда
Коджоджаш, кытаев сын.

---

[*] Мерген — охотник.

А ружье у Коджоджаша —
Знаменитый Акбаран,
А скакун у Коджоджаша —
Самый сильный конь в горах.

Медноногий, белогривый,
Огнедышащий, ретивый
Конь охотнику подстать,
Мог без устали скакать,
Белой гривою своею
На вершинах скал мелькать.
Долы-горы высоки*,
Их просторы широки,
След подковы Коджоджаша
Там на камне у реки.

---

* Это понятие характерно для географии Киргизии, где не только горы, но и долины, лежащие между ними, находятся высоко над уровнем моря.

ПЕСНЯ ВТОРАЯ

О дочери Каракоджо, Зулайкой названной

Край в речном низовье был,
Он красавицами слыл.
Там известен хорошо
Некий был Каракоджо.
Дочь его, как лань ловка,
Называлась Зулайка.
Круглолица Зулайка,
Краснощека Зулайка,
Кареглаза Зулайка,
Красотой своей сверкала,
Как алмазом, Зулайка.
Кто видал — очей лишался,
Кто слыхал — ушей лишался,
Кто рукой к ней прикасался —
От любви ума лишался.
Вот какой была красивой
Дочь киргизов Зулайка!
Сорок девушек-красавиц
Возглавляла Зулайка,
С ними на конях скакала,
Подрастала Зулайка,

Жениха найти по нраву
Пожелала Зулайка.
Весь народ созвать на праздник
Повелела Зулайка,
Повидать джигитов разных
Захотела Зулайка.
«Посмотрю,— она сказала,—
Кто придется по душе».
И пришлось ее желанье
Выполнять Каракодже.
Взял калем* он, взял бумагу,
Все подробно описал,
Испытать свою отвагу
Он джигитов приглашал.
Он писал: «Оповещаю
По всему родному краю —
Милой Зулайке своей
Выйти замуж разрешаю
За любого из людей,
Кто придется ей по нраву,
Пусть того берет по праву.
Не позарюсь на богатство,
Не позарюсь я на скот.
За любовь, а не за деньги,
Пусть любой ее берет.
Не одних зову богатых,
Пусть приходят и в заплатах,
Пусть живут и в шалаше —
Лишь бы были по душе.
Весь народ я собираю,
Всех джигитов приглашаю.
Зулайка у нас одна,
Выбирать она вольна».

Долетела весть такая
До аила Карыпбая.
Долго там письмо читали,
Долго новость повторяли,
Там уже не ступишь шагу,
Не услышав про бумагу.

---

* Калем — перо для письма.

Про большой народный той*,
Что назначен Зулайкой,
Все слыхали. Лишь один
Каджоджаш, Карыпа сын,
По глухим местам блуждал,
И известья не слыхал.
Обступали его скалы,
То черны, то темно-алы.
На скалистом том пути,
Где немыслимо пройти,
Где висит над черной бездной
Камень с прожелтью железной,
Где на высях — лишь снега,
Да козлиные рога,—
Мудрено услышать вести
О какой-то там невесте,
Крови гул в ушах его,
Гул — и больше ничего.
Карыпбай, старик седой,
Вспомнил сына той порой,
Хмуро на горы глядит,
И печально говорит:
«Коджоджаш любимый — где?
Сын мой нелюдимый — где?
Вороненок у вороны,
Мой сынок единый — где?
Если бы в аиле жил,
Жизнь в горах не проводил —
Разве бы со всем народом
Он на той не поспешил!»

Огорчился Карыпбай,
Омрачился Карыпбай,
Облаком на одеяло
Опустился Карыпбай.
У вороны сын один,
Вороненком сына звать,
У Карыпа сын один,
Коджоджашем сына звать.
Вороненок из гнезда

---

* Той — праздник, пир.

Улетел под небосклон.
Вырос сын — ушел куда,
Где по свету бродит он?..
Тяжела ль тропа, легка,
Снег в пути иль облака —
На ружье его рука,
Службу он несет свою,
И не знает он пока,
Что в неведомом краю
Есть на свете Зулайка.

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

О том, как исполнялось и не исполнялось желание Зулайки

Полдень по земле идет,
Пламя по небу плывет.
Приоделся весь народ,
Поспешает он на сход.
Перестук копыт звучит,
По дорогам пыль пылит,
Пешеходу пешеход
Про событье говорит.
Аксакалы, старики
Важные, на той идут,
Про затею Зулайки
Разговор они ведут:
— Если девушка умна,
Муж найдется,— говорят.
— Кто-нибудь по сердцу ей
Да придется! — говорят.
— Мы джигиты,— говорят,—
Знамениты,—говорят,—

Ей понравиться должны
И без свиты,—говорят.

Гладят черные усы,
Похваляясь на ходу...
Сколько тут мужской красы,
Сколько славы на виду!
Полдень по полю плывет,
Пыль пылит, пастух поет.
...А на башне Зулайка
Дорогого друга ждет.
В ярко вышитом платке,
С красным яблоком в руке.
Словно полная луна
Издалека всем видна,
Смотрит, смотрит свысока
На дорогу Зулайка,
Смотрит пристально на всех
Ястребица зоркая.

Смотрит зорко для того,
Чтобы выбрать одного,
Чтобы яблоко ему
Кинуть — больше никому.
Время медленно течет,
Радуясь, народ идет.
Каждый думает: меня
Зулайка выбрать должна!

Вот и солнце на горах,
Свет вечерний в облаках.
Зулайка стоит одна
С красным яблоком в руках.
Тени на землю легли,
Огоньки зажглись вдали.
Не понравился никто
Из людей, что здесь прошли.
Из собравшихся людей,
Изо всех богатырей
Не понравился никто,
Не нашелся равный ей.
И расходится народ,

— Как чванлива,— говоря,
Обижается народ,
— Как спесива,— говорят.
— Зря смотрели сходом всем
Это диво,— говорят.
— Эта девушка совсем
Некрасива,— говорят.
— Выбрать равного она
Не умеет,— говорят.
— Так пускай сидит одна
И стареет,— говорят.
Красным яблоком своим
Поиграла Зулайка,
И во след идущим, им,
Так сказала Зулайка:
«В той иль в этой стороне,
Среди гор, степей и рек,
Есть ли хоть один, ко мне
Не пришедший человек?»
И тогда кытай один
Ей такую речь повел:
«Коджоджаш, Карыпа сын,
Только он и не пришел.
В горы он с ружьем ушел,
Богатырь прекрасный наш,
Только он и не пришел,
Наш охотник Коджоджаш».
«Что ж,— сказала Зулайка,—
Если только он один —
Пусть бы он пришел сюда,
Коджоджаш, Карыпа сын,
На него взглянула бы,
Да он где-то вдалеке..,
А коль нет — так нет судьбы
Выйти замуж Зулайке».
А охотник к землякам
В этот день спустился с гор,
Родичам сказал: «салям»,
Начал с ними разговор.
Те ответили ему:
«Ой, охотник удалой,
По дикарству своему

Пропустил ты день какой!
Весть нам послана была
От красавицы одной.
Всех к себе нас позвала —
Всех отправила домой.
Мы сказали о тебе.
«Пусть приедет»,— был ответ...
Нужно взять ее к себе,
Нужно ехать к ней чуть свет.
С ног снимите чарыки*,
Просим вас, они грязны,
Для прекрасной Зулайки
Приодеться вы должны.
Козьи шкуры сбросьте с плеч —
Девушка вам — не коза.
Вот халат вам, вот вам меч,
Золото и бирюза.
Пусть посмотрят: вот каков
Коджоджаш, кытаев сын,
Тот, что на девичий зов
С горных не сошел вершин».

Среди шуму Коджоджаш,
Думал думу Коджоджаш:
«Весть такая для меня,
Как огниво для кремня.
Что ж, поеду! Может, дичь
Редкую смогу настичь.
Может, высечет огонь
В сердце девичья ладонь.
Но халата не возьму,
Козьи шкуры не сниму.
Мне наряды — нипочем!
Коль возьму — так удальством,
Да охотничьей рукой,
Да открытою душой.
Тут он на ноги вскочил,
Руки и лицо умыл,
Оседлал, уздой звеня,
Медноногого коня.

---

* Чарыки — кожаная обувь горцев.

— В путь!.. А родичи шумят.
«Приоденься,— говорят,—
Лучше коз в горах стрелять,
Чем обычай нарушать!
Чарыки скорей снимай,
Что получше — надевай!
Грубый пояс — распояшь!..»
Отвечает Коджоджаш:
«Я охотником слыву,
Я охотником живу,
Я таков — каков уж есть,
Не по платью людям честь.
Если ноги в чарыках,
Козьи шкуры на плечах
Не оценит Зулайка,
Так беда не велика!»

ПЕСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ

О том, как Зулайка ждала Коджоджаша, а Коджоджаш ждал Зулайку

А тем временем сверкал
Алый луч по краю скал,
Арабакеч коня стегал,
Аист над гнездом стоял.
Белый аист над гнездом
Будто ждал кого-то в дом.
Отвернулась Зулайка,
Усмехнулась Зулайка,
«Пусть,— сказала,—пару юрт
Над рекой, где берег крут,
Пару самых белых юрт
Мне сегодня разобьют.
Если кто ко мне прилет —
В этих юртах подождет».
Степь над небом широка,
В небе тают облака.
И никто в степи пустой
Не идет издалека.

А у Зулайки рабой
Некая Шабыр была,
Ведра полные водой
По степи она несла.
Шла безлюдною тропой,
Наклоняясь в лад шагам,
Косы черные волной
Распустивши по плечам.
Смотрит: человек чужой
К белой юрте подошел,
Белый войлок отвернул,
В юрту белую вошел.
Человек с ружьем!.. Она,
Бросив ведра (в них ли толк?),
К Зулайке бегом она
Припустилась со всех ног.
«Ой, пришел,— кричит,— пришел
Свет карыповых очей,
В юрту белую вошел
Эрбатыр*, что всех сильней!
Тот, что жил в твоих мечтах,
Что загадан был судьбой,
От тебя он в двух шагах...
Посмотри — джигит какой!»
«Ой-ей-ей»,— Шабыр орет.
Собирается народ.
Застыдилась Зулайка
И такую речь ведет:
«Эй, Шабыр! Ты ведра где
Обронила второпях?
Толку в пролитой воде
Больше, чем в твоих словах.
Так кричишь ты почему ж,
О приличии забыв?
Иль сюда явился муж,
За калым** меня купив?
Иль за скот я продана
И безвольна, как раба?..
Я сама решать вольна,

---

* Эрбатыр — богатырь, герой.
** Калым — плата за невесту.

Какова моя судьба.
Ну, пришел он — ну и что ж?
Ну — охотник, ну — пригож?
Что же ты кричишь-орешь,
Словно телку продаешь?
Ты посмещищем меня
Делаешь перед людьми.
Если нравится тебе
Коджоджаш,— сама возьми!
Сорока наездниц я
Сорок первая — глава.
И со мною говоря,
Прежде выбери слова.
Мне охотник — ни к чему,
Захочу — и не возьму.
Вот увидим и решим
По желанью своему».
А Шабыр опять спроста
Все не закрывает рта:
«Что ты злишься, Зулайка?
Чем гордишься, Зулайка?
Повелительницей будь
Ты наездниц сорока,
Белой лебедью ты будь,
В небесах кружи, легка,
Женщиною все равно
Ты останешься всегда.
Весь народ к тебе пришел:
Хочешь — лучшего бери,
Не взяла, не годны, мол,
Коджоджаша посмотри!
Ты сказала: «Пусть придет».
Он пришел. К нему пойдем.
Может быть, охотник тот
Радует родимый дом.
Он — отца любимый сын,
Матерью, как ты, рожден.
Может быть, из всех один
По душе придется он?..
Я с добром к тебе пришла —
Что ж меня оборвала?
В рабстве ль, на свободе мы,

Все живем в народе мы.
Копошимся мы во тьме,
Только люди вроде мы.
Твой охотник! — мой совет.
Посмотри и дай ответ.
Только силу пред людьми
Не показывай, мой свет.»
Замолчала Зулайка,
Запылала Зулайка,
Замерли во рту слова,
Закружилась голова.
Ей завидно, что с Шабыр
Повстречался Эрбатыр.
А Шабыр во всем права?..
Ну, скажите какова!
Без платка бежит к гостям
С волосами по плечам,
Ведь не к ней пришел — ко мне,
Так стояла б в стороне!
Лучше б воду ей носить,
Чем охотника хвалить.
Не сестра она ему,
Так хлопочет почему?
Степь желта и широка,
Улетели облака.
И над белой юртой дым
Замечает Зулайка.

ПЕСНЯ ПЯТАЯ

О том, как не понравился Зулайке Коджоджаш

Вересковых гор откос
Вот уж потемнел слегка.
Волосы в шесть черных кос
Выплетала Зулайка.
Вышитый вишневый шелк,
Выдры мехом опушив,
Вырядилась, как цветок,
Вешний вечер озарив.
Сорок девушек вокруг
Ей в лицо глядят одной.
Интересно для подруг,
Кто пришел за Зулайкой.
Веселей и легче коз
Выгнутой тропой спешат.
Вдоль спины шесть черных кос
В свете первых звезд блестят.
Вот и пара белых юрт
Войлок их вблизи белей...

А Шабыр уж тут как тут,
Как отстать, проворной, ей!

Воздух медленно вдохнув,
Влажный войлок отогнув,
В щель юрты исподтишка
Вглядывалась Зулайка.
Вот пред нею тот джигит,
Так каков же он на вид?
Коджоджаш один сидит,
Огонек пред ним горит.
Словно камень недвижимый,
В землю богатырь глядит.
Горным солнцем закален,
Весь обветрен, обожжен,
Огрубелою рукою
Подпирает щеку он.

Блики беглого огня
На лице темней кремня...
Полон думою какою
Ждет он завтрашнего дня?

Шкуры козьи на плечах,
Пыль дорог на чарыках.
Рядом с ним ружье и порох
На узорчатых кошмах.
Заглянула Зулайка,
Вновь вздохнула Зулайка:
«Ну, сидит он—ну и что ж?
Вовсе он не так пригож!
Если бы меня любил,—
Сразу б на ноги вскочил,
И приметил бы меня,
Посадил бы у огня».

Посмотрела, отошла,
Побледнела добела,
Недостатки рассмотрела,
Побрела домой со зла.
Говорит с Шабыр сердито:
«Тоже мне, нашла джигита!

Мне такой совсем не пара—
Потемнел он от загара,
Горы выбрал он жильем,
Знается с одним зверьем,
Позабыв на месяца
Престарелого отца.
Не такому быть мне мужем,
По такому мы не тужим.

Жизнь охотника стрелой
Пролетит свой путь земной!
Коль охотник человек —
У него короток век.
Жить с таким — все ночи слушать
Шорох дальних гор и рек.

Долы-горы высоки,
Их просторы широки.
Жизнь охотника тревожна,
Дни быстры и коротки.
Если мне с таким связаться,—
Смолоду вдовой остаться,
Черным голову покрыть,
Лунное лицо склонить!
Нет в семье меньшого брата—
Будет тяжела утрата*.
Буду жить я век весь свой
Безутешною вдовой!..
Некрасивый, нелюдимый,
Невеселый, нелюбимый,
К нам пришел он почему?—
Что мне он? Что я ему?»
А Шабыр опять вскипела,
До всего-то есть ей дело:
«Ах, ты горесть, нашей доли!
Средь овец в пустынном поле,
Среди белых всех овец—
Черная овца ты что ли?
Из становища кытаев,

---

* По старому киргизскому обычаю жена умершего старшего брата должна стать женой младшего.

С дальних гор, где снег не тает,
Человек пришел сюда,—
Не звала его ты что ли?
Ты послала приглашенье,
А наносишь оскорбленье.
Как ты дни его сочла?
Что пророчица ты что ли?
Что ты—бог, его создавший,
Жизнь и смерть предначертавший?
Сколько проживешь сама —
Тоже угадаешь что ли?

Многих ты сюда созвала,
Разобидев, отослала.
Коджоджаш-то чем же плох,
Что тебя он хуже что ли?
Серы овцы на полях,
И одна овца черна.
Девушки умны в годах,
И одна ты не умна.
Говорит тебе Шабыр,
Что разумна, хоть раба:
Этот самый Эрбатыр,
Он и есть твоя судьба.
Хочешь — верь моим словам,
Хочешь — их сочти за ложь.
Все, что будет в жизни вам,—
В книге все равно прочтешь!»
Потемневшею тропой
Зулайка пришла домой.
Взгляд вперив в ночную тень,
Вспоминает этот день.
Все пред нею тропка та,
Войлочная юрта та,
Огонек в юрте горит,
Коджоджаш в юрте сидит.
Взглянет влево — Коджоджаш,
Взглянет вправо — Коджоджаш,
С взгляда первого пришелся
Ей по нраву Коджоджаш.
Если бы Шабыр сначала
При народе не кричала,

Слова против Коджоджаша
Зулайка бы не сказала.
Как же с гордостью девичьей
Сердца выполнить обычай,
Землякам сказать своим,
Что охотник тот любим?..
К книге Зулайка нагнулась,
С хитрецою улыбнулась:
«Мне, мол, что? — Мне все равно,
А кораном решено —
Жизнь прожить рука с рукою
Коджоджашу с Зулайкою».
Хороша тропа, плоха ль—
Нас она уводит вдаль.
А с любовью человеку
Все равно расстаться жаль.
Вереск розовый цветет,
Верхом гор заря плывет.
Век охотника тревожен,
Все ж подругу он найдет.

ПЕСНЯ ШЕСТАЯ

О том, как и на свадьбе пригодился Акбаран Коджоджашу

Гор снега в лучах горят,
Очаги в юртах горят.
Где идешь—там вести слышишь,
Громко люди говорят.
Говорят о Коджоджаше
И о Зулайке своей.
Зулайка-то всех, мол, краше,
Коджоджаш-то — всех сильней.
Зулайке открылось счастье,
Уж невеста,— говорят.
Ей понравился охотник,
Наконец-то,— говорят.
Скоро свадьба,— говорят,
Вот попасть бы,— говорят.

Говорят, в юрту другую,
Свадебную дорогую,
Коджоджаша повели.

Сорок девушек-красавиц
Жениха встречать пошли,
Молодицы с ними тоже,
Пышнотелы и пригожи.
Оправляют свой наряд,
Меж собою говорят:
«Мол, любовь сильнее яда,
Любят с первого же взгляда,
Зулайка-то как гордилась,
А в охотника влюбилась.
Глаз остер, рука крепка —
И пропала Зулайка!»
Войлок юрты отвернули,
На охотника взглянули.
Вот он, темный от загара,
В чарыках потертых старых,
С козьей шкурой на плечах,
Да с ружьем своим в руках,
Поясом перепоясан,
Черным порохом измазан.
Ну, наряден наш жених,
Не видали мы таких!
Сорок девушек-красавиц,
Сорок девушек-разумниц,
Сорок девушек-наездниц,
Сорок девушек-ровесниц
Смотрят: ну и Коджоджаш!
Неказистый, некрасивый,
Не нарядный, нелюдимый!
Поглядели, покраснели,
Раньше бы его одели,
После б людям показали,
Женихом своим назвали!
К Зулайке назад пришли,
Речь такую повели:
«Знаете, у жениха
Одежонка-то плоха.
Выдайте получше платье,
Сапоги с узором дайте,
А потом его встречайте
И на свадьбу приглашайте!»
Пересуды, сплетни, вроде.

Зулайка в ответ сказала:
«Понимаете вы мало...
Чарыки на Коджоджаше
Всех сапог нарядных краше!
Пояс, порохом прожженный,
Краше, чем платок узорный.
Не за платье выхожу я,
Не по платью и сужу я.

Станет ли плохой пригожим,
Если в платье он хорошем?
Золото ж и под землею
Блещет силой золотою,
Глубоко оно лежит,
Блеск не всякий разглядит.

Я на всех красавцев ваших
Не сменяю Коджоджаша,
Я на всех джигитов мира
Не сменяю Эрбатыра.
Я взглянула, полюбила,
Угадала: это сила.
Мне чапан* из козьей кожи
Дорогих одежд дороже,
Даже пыль под чарыками,
Собрала бы я руками!
Вы сказали: нелюдимый,
Я сказала: мой любимый.
Самый лучший он на свете,
Самый первый из людей!..
Я сама за все в ответе
В жизни будущей моей!»
Гор снега в лучах горят,
Очаги в юртах горят.
Где пройдешь—услышишь вести,
Громко люди говорят.
Гордецы, все те, которых
Отвергала Зулайка,

---

* Чапан — ватный халат.

И гордячки, те, которых
Затмевала Зулайка.
Богачи, манапы, баи,
Болтуны и краснобаи
Злые точат языки,
Оживленно обсуждают,
Огорченно осуждают
Поведенье Зулайки.
Говорят и говорят,
Зулайка-то, говорят,
Все сидела да глядела,
Голодранца углядела,
Бесчапанника нашла,
В женихи себе взяла,
За чарычника выходит,
За охотника выходит,
Нищего в мужья взяла,
Вот дела-то! Да... дела!
Говорят и по-другому:
Мол, охотник—прибыль дому,
Сытно, голодно ли жить—
Лишь бы сердцу полюбить,
Проживут и в шалаше,
Лишь бы были по душе!..
А меж тем, за Коджоджашем
Снова девушки пошли.
Женихом его назвавши,
Поклонились до земли;
Поддержав его под локти,
Посадили на коня.
Ждет, мол, вас невеста в гости,
Ждет невестина родня.
И с поклоном, при народе,
Разодета и ловка,
Жениха встречать выходит
На дорогу Зулайка.
Посветлев своей душою,
Весело, с улыбкой, шла—
Мол, сошлись судьба с судьбою,
Ровню, мол, себе нашла.
Был Караходжо доволен,
Резать скот он приказал,

Запалил костры на поле,
И за сватами послал.
С торжеством, не отдыхая,
Едут с гор своих кытаи,
И звучит, не умолкая,
Песня, музыка и речь—
Славит свата Карыпбая,
Сватью славную Бийкич.
Как встречались—улыбались,
Умилялись, обнимались,
И невестой любовались,
И гордились женихом.
Как положено, неделю
Пили-пили, ели-ели,
Во весь голос песни пели
На веселом тое том.
Крутоплечие, седые,
Остроглазые, хмельные,
Два отца, как два орла,
Поглядят да усмехнутся,
Улыбнутся, засмеются:
— Вот дела-то!— Да дела!—
Скажет вдруг Каракоджа:
«Как невеста?»—«Хороша!»
Иль Карып воскликнет: «Сват,
Как жених-то?» — «Просто клад!»
Пир большой они задали,
Всех пришедших приглашали,
Приглашали, привечали,
Привечали, угощали.
В поле свадебную юрту
Всем народом расставляли.
В поле юрту расставляли,
В землю колья забивали,
К кольям длинные арканы
Возле юрты навязали.
Приданое для осмотра
На арканах расстилали.
А тем временем джигиты
Козлодранье начинали,
А стрелки из метких ружей
В джамбы* целили, стреляли.

Тут висел на нитке тонкой
Светлый слиток серебра.
Кто собьет — тот самый ловкий,
Много он возьмет добра.
В слиток день за днем стреляли
Всю неделю напролет.
Но в него не попадали,
Кто же, меткий, попадет?
Меткие стрелки толпятся
Дни и ночи у джамбы,
Но напрасно суетятся:
Нет удачи, нет судьбы.
Тут пошел среди невесток,
Средь народа говорок:
«Коджоджаш-то, слышь, известный
У себя в горах стрелок,
Что ж ему не постараться,
Удальство не проявить?
Что ж ему не попытаться,
Что ж джамбы ему не сбить?»
А другие говорят:
«У Караколжо хитрят—
Вешают джамбы хитро,
Чтоб оставить все добро!»
Тут Караколжо велел,
Чтоб проверивши прицел,
Испытали вновь стрелки
Силу глаза и руки.
—Если ж им джамбы не сбить,
Нитки им не перебить,—
Пусть выходит Коджоджаш,
Пусть стрелок стреляет наш.
Зулайка и Коджоджаш
В юрте свадебной сидят,
Весело вдвоем сидят,
Друг на друга все глядят.
Говорит она: «Ружьем
Ты владеешь, мой джигит,

---

* Джамбы — слиток золота, подвешенный на нитке для попадания в цель.

Ты в краю своем родном,
Как охотник знаменит.
Ты ружье свое возьми
И стрелков всех посрами.
Я, избравшая тебя,
Полюбившая тебя,
Оценившая тебя,
Об одном прошу, любя:
С тонкой нитки сбей джамбы,
Покажи пример стрельбы!
Мое счастье, сила — ты,
Все, что в жизни мило — ты,
Пусть узнает весь народ,
Как удачлив ты и горд».
Разве беркут проглядит
Тень, мелькнувшую в ручье,
И охотник усидит,
Коль напомнят о ружье?
Коджоджаш на ноги встал.
«Что ж, собью джамбы,— сказал,—
Не оттуда, где стрелки—
С места этого собью,
Мне и тут стрелять с руки,
Показать стрельбу свою».

По народу слух идет,
Собирается народ.
Карыпбай с Караколжой
Думой заняты одной:
Прострелить бы нитку смог
Наш единственный сынок!
Ох, тебе помог бы бог,
Наш единственный стрелок!
От низин Кызыл-Кия
До верховья Карагаш
Вся кытайская земля
Знает имя — Коджоджаш.
Дальнобойное ружье,
Белоствольное* ружье,
Под названьем Акбаран,

---

* Белоствольное — здесь как светлое, красивое.

Им прославлено в горах.
Тот приклад резьбой покрыт,
Красным золотом обвит,
Без осечки тот курок,
И — без промаха стрелок.
Коджоджаш в толпе людей,
Средь охотников, стрелков
Мастерство стрельбы своей
Показать другим готов.

А напротив—Зулайка,
Словно веточка гибка,
Словно месяц высока,
В девичьем кругу стоит,
На охотника глядит.
Коджоджаш ружье берет,
Тишина кругом встает.
Вот он порох отмеряет
Богатырскою рукой,
Пулю шомполом вгоняет
В ствол начищенный резной.
Снова порох отмеряет
И на полку насыпает,
И ружье, чтоб не качнулось,
Он на сошках укрепляет.
Вот нацелен богатырский,
Белоствольный Акбаран,
С громкой сталью, с пулей быстрой,
Дальнобойный Акбаран.
И охотник на мгновенье
Видит в мире лишь джамбы.
Таково его уменье,
В том успех его стрельбы!
Был ружья не прост курок,
Словно рыбий хвост курок.
Медленно его спускает
Удивительный стрелок.
Сталь ударила в кремень,
Вспыхнул порох, взвился дым,
И сорвался вниз джамбы,
Сбитый выстрелом одним.
Так кашгарцам в этот день

Показал пример стрельбы
Коджоджаш с ружьем своим.

Нитка та была тонка,
Право, тоньше волоска!
Расстоянье велико,
Взять такое нелегко!
А джамбы, взгляните вы,
Словно шапка с головы,
Вниз сорвался наконец!..
Знать, охотник — удалец!

Все сказали: «Коджоджаш—
Самый первый тут стрелок».
Все признали: «Коджоджаш —
Попадающий в зрачок».
Значит, Зулайка умна
В этом выборе своем:
Молодца взяла она,
Что любой украсит дом.
С радости у Зулайки
Закружилась голова,
Даже глаз ее зрачки
Стали больше раза в два.
В путь далекий, в добрый путь,
Собирают Зулайку,
С приданым, не как-нибудь,
Отправляют Зулайку.
И от всей земли кашгар
Дорогому зятю в дар
Заказал Каракоджо
Драгоценное ружье
Под названьем Алмабаш,
Чтоб владел им Коджоджаш,
Пояс в бляшках золотых
И в насечках дорогих.
Не ружье, а просто клад,
Коджоджашу в полный рост,
Разукрашенный приклад,
А курок, как рыбий хвост.
Вот ружье какое в дар
Поднесла страна кашгар.

А дарили — говорили:
«Вам ружье как раз по силе,
Заслужили Акбарану
Вы известность и отвагу.
И прозвали вас — «стрелок,
Попадающий в зрачок».
Пусть идет за Коджоджашем
Слава с нашим Алмабашем,
Алмабаш наш,— говорят,—
Акбарану младший брат.
Алмабаш наш, может быть,
Вам придется полюбить.
Не полюбите — так что же!
Память многого дороже,
Память о знакомстве нашем
Пусть зовется Алмабашем».

ПЕСНЯ СЕДЬМАЯ

О том, как ехал и приехал Коджоджаш с Зулайкой на землю кытаев и как забывал он о своем охотничьем ремесле

Летним блеском, алым светом
Отливает солнце летом,
Пожелтели летом травы,
Обмелели переправы,
Летним жаром небо пышет,
Летним счастьем сердце дышит.
День и ночь идут верблюды
Караванною тропой,
Круглогорбы, крутогруды,
В красных кошмах с бахромой;
Карыпбаевы верблюды
Держат путь к себе домой.

И на двух конях ретивых
Два нарядных седока,
Два красивых и счастливых—

Коджоджаш и Зулайка.
Круче тропы, ближе горы,
Коджоджаша жарче взоры,
Черный камень, белый снег,
Облаков пушистый бег.

Вдруг над серою скалою
Тень летит над головою,
Зашумела, заскакала,
Как рогатый камень встала.
На вершине вековой,
Над пустынною тропой;
Серым огненным отливом
Дыма серого извивом,
Дымом серым с желтизною
Прыгнула над крутизною,
Прянула под облаками,
Облака задев рогами,
И лиловым козьим глазом
Оглядела горы разом,
И пропала вдалеке...
Страшно стало Зулайке,
К мужу обратив глаза,
«Что это?» — она спросила.
Коджоджаш сказал: «Коза.
Ишь как скачет, злая сила!»
День и ночь идут верблюды
Узкой горною тропой,
Карыпбаевы верблюды
Приближаются домой.
И идет по всем дорогам,
По горам и по отрогам
Слава о стрелке лихом
Из семейства Карыпбая,
Рода малого кытая,
Неприметного ни в чем.
Память будет жить навеки
О могучем человеке,
Что прославлен мастерством,
Сказ о нем живет в народе,
Далеко по свету ходит
Слава добрая о нем!

Но идут со славой разом
Пересуды, пересказы:
Мол, охотник уж не тот,
В ремесле его заминка,
Заросла его тропинка,
Не в горах — в юрте живет.

Оженился Коджоджаш,
Обленился Коджоджаш,
Оженившись, от народа
Отломился Коджоджаш.

Мол, скитаться неохота,
Уж охота — не работа.
Круглолицая жена,
Мол, теперь его забота.

Мы, мол, год, а не недели
Мяса свежего не ели,
Позабыл он для жены
О народе и о деле.
Бестолкова Зулайка,
И бедова Зулайка,
Кружит голову джигиту
И без слова Зулайка.

В сказке—смысл, а в сплетне—соль,
Может, злость, а может, боль.
Не сердись на пересуды,
Раскусить их соль изволь!
А в сторонке от людей,
В юрте свадебной своей
Молодым двоим живется
Час от часу веселей.
Друг от друга не отходят,
По горам, обнявшись, ходят,
Новое в своей любви
С каждым днем они находят.
Все, что до сих пор любили,
Разлюбили, позабыли,
Даже белое ружье
Серою покрылось пылью.

Ведь любовь такая сила,
Что сама собой красива,
Все из сердца вытесняет,
Что когда-то было мило.
Круглолица Зулайка,
Круглощека Зулайка,
Кареглаза Зулайка,
Коджоджашевым алмазом
Стала только Зулайка.
Как забыл свою охоту,
Как забыл свою заботу,
Кто любил—лишь тот поймёт...
Вот зима тропой проходит,
Лето за весной уходит,
Снова осень настает.
В ярком золоте березы,
Родники светлы, как слезы,
Жирные козлы и козы
Мирно бродят по горам.
Нет теперь для них угрозы—
Замолчал когда-то грозный,
Белоствольный Акбаран.

ПЕСНЯ ВОСЬМАЯ

Про удивительный сон, приснившийся охотнику Коджоджашу

Горыжелый горный склон
Поздним солнцем освещен.
Вдруг проснулся Коджоджаш:
Странный сон увидел он.
Удивительно ему:
Трижды снился смутный сон,
Отчего и почему
Появился трудный сон?
Моет он лицо водой,
Сон забыть не может он...
Старцу с белой бородой
Рассказать ли этот сон?

Или рассказать родне,
Чтоб смогли разгадку дать?
Или умнице-жене
Ненаглядной рассказать?
Сопечальница — она,

Сосекретница — **она**,
Обрученная со мной
Клятвой верности, жена.
На постели, на одной,
На подушке пуховой
Спит со мной моя жена
С золотою головой.

Хоть и женщина она,
А понятлива, умна.
Если обращусь к родне,
Разобидится жена.
Расскажу своей Зулай
Беспокойный этот сон.
Попрошу я: отгадай,
Что такое значит он.
И когда постель одна
Убирала Зулайка,
Тайну горестного сна
Услыхала Зулайка,
Коджоджаш в юрту вошел
Так он речь свою повел:
«Уж чего за долгий век
Не увидит человек!..
Вот и я увидев сон,
Разомкнуть не в силах век.

Видел, будто взял свое
Дальнобойное ружье,
Видел я пустынный склон,
А над ним звезду Чолпон.
Страха мрачного полно
Вырывалось сердце вон.
Я стрелком могучим был,
Весь народ один кормил,
Почему же, Зулайка,
Я в тот миг лишился сил?
Если сон о горе весть,—
Это горе не скрывай,
Если гибель он и смерть,—
Прямо говори, Зулай.
Не толкуй наоборот,

Приукрашивая ложь.
Если смерть ко мне придет,
Так от смерти не спасешь.
Видел, будто бы опять
Подтянул я пояс свой,
И отправился стрелять
Кииков глухой тропой.
Сын Карыпа и Бийкеч,
Не спускал ружья я с плеч,
Я когда-то двадцать юрт
Кайберенами* кормил,
Как подъем бы ни был крут,
На вершину я всходил!
Взял с припасами мешки,
И с водою бурдюки,
И поехал я во сне
На лихом своем коне.
Золотокопытый конь,
Медноногий, сытый конь,
Выгнув шею, шел шажком
Под охотничьим седлом.
Было высоко седло,
С крашеной лукой седло,
С барабаном боевым,
С золотой резьбой седло.
Я нагрудник опустил,
А подхвостник прикрутил.
И подпругу в два ремня
Подтянул, что было сил.
Еду, еду тем путем
И с конем я, и с ружьем,
В шесть нарезов Акбаран
За моим блестит плечом.
На скалу коня направь —
Не упрямится, идет,
На ледник— идет на лед,
На реку—и реку вплавь
Верный конь переплывет!
По низинам конь скакал,

• Кайберен — мифическое существо, горный козел, покровитель животных в горах.

По вершинам конь скакал,
К Ала-Тоо гребнем скал
Вслед за солнцем он скакал,
Только, сколько ни искал,
Кииков я не видал.
Что же мне охоты нет?
Что же мне заботы нет?..
Время к полудню подходит,
А ружью работы нет.
Где же козы этих гор
Ходят-бродят до сих пор,
Иль куда-нибудь сбежали,
Свой покинули простор?

Поскакал я на коне
К аксонкульской стороне.
Слева—белый солонец,
Что зовется Ак-тоскок;
Справа—синий солонец,
Что зовется Кок-тоскок.
А по гребню—видит взгляд—
Бродят семьдесят козлят,
Тридцать серых улаков*,
Сорок серых чебичей!..**
Я, не тратя лишних слов,
Соскочил с коня скорей,
Путами коня связал,
За укрытье тихо встал,
Пороху побольше взял,
Пулю шомполом загнал,
Всех козлят, что увидал,
Без остатка пострелял!

...Стал весь склон от крови ал.
А низина под горою
Алой стала той порою,
Алой поросла гвоздикой,
Ароматною и дикой.

---

* Улаки — козлики.
** Чебичи — козочки.

А гвоздика отцветала,
Алый цвет в ручей роняла,
Синий нес его ручей,
Торопясь к реке своей.

Что мне, что в низине ало?
Мне козлят убитых мало!

На вершину забираюсь,
И кругом я озираюсь:
Если, мол, осталась дичь—
Надо и ее настичь.
Подо мною—алый пламень,
А со мною — черный камень,
Гладкий, словно ледяной,
Склон вершины предо мной.
Вниз спуститься не могу я,
Вверх подняться не могу я,
На скале один стою я
Между небом и землей,
В высоте, где человеку
Не случалось быть от веку,
Где и ворон надо мной
Не прокаркал в час ночной!
...Вот какой я видел сон,
Растолкуй, что значит он.»
Зулайка чуть помолчала
И печально отвечала:
«Сопечальница твоя,
Сосекретница твоя,
Говорит тебе подруга,
Беспокойства не тая:

Жеребенок резвый мой,
Стригунок ты мой степной,
Зря ты мне поведал тайну,
Лучше б говорил с родней.
Путь перед тобой открытый,
Богатырь ты знаменитый.
Старцу с белой бородой
Рассказал бы сон ночной!
Мне понять его нет силы,

Об одном бы я просила:
Брось ружье, оставь охоту,
Промысел опасный свой.
Чем ружье тебе так мило?
От тебя уходит сила...
Разве может человек
Бегать по горам весь век?

Жеребенок мой задорный,
Стригунок мой непокорный,
Женщине ль понять твой сон,
Рассказать что значит он?..»

Коджоджаш в ответ: «Зулай,
Хочешь, нет ли— отвечай!
Можно старцем быть седым,
А по разуму—слепым.
Если сон о горе весть,—
Это горе не скрывай,
Если гибель он и смерть,—
Правду говори, Зулай!
Не толкуй наоборот,
Приукрашивая ложь:
Если смерть ко мне придет—
Так от смерти не спасешь!»
Поглядела Зулайка,
Побледнела Зулайка:
«Что ж, мне руку дай свою,
Думу выслушай мою:
Взял во сне ты вновь свое
Запыленное ружье —
Это значит: от ружья
И беда, и смерть твоя!
Был в горах твой конь с тобой,
Разлучился ты с женой—
Это значит: от коня
Горе будет для меня!
Вновь в походных чарыках
Ты один блуждал в горах.
Значит: будет для родных
Горе именно от них.
Брось ружье, мой Коджоджаш,
Брось ружье, мой Коджоджаш,

Брось охотиться, стрелять,
Пожалей отца и мать!
Зулайку ты пожалей —
Как вдовой остаться ей?..

Был на белых солонцах.
Был на синих солонцах—
Это значит: от ружья
И беда, и смерть твоя!
Тридцать козликов убил,
Сорок козочек убил —
Неудача в том твоя,
А погибель от ружья!
Алый пламень под тобой,
Черный камень пред тобой
На вершине был пустой,
Между небом и землей,
На скале, куда залезть
Не сумел бы и медведь,
Кайберен где не скакал,
Черный ворон не кричал—
Это значит: от ружья,
От охоты—смерть твоя!
Брось ружье, мой Коджоджаш,
Брось ружье, мой Коджоджаш,
Жизнь свою не сокращай,
Зулайку не оставляй!..
Долы-горы высоки,
Их просторы широки,
Жизнь охотника опасна,
Дни быстры и коротки.
Или жизнь твоя стрелой
Пролетит свой путь земной,
Иль охоту ты оставишь
И совет исполнишь мой!
Брось ружье, мой Коджоджаш,
Брось ружье, мой Коджоджаш,
Жизни ты не сокращай,
Свой народ не покидай!
Эти горькие слова
Нелегко мне говорить,
Но разгадка такова:

Как решишь—тому и быть!»
Опечален Коджоджаш.
Недоволен Коджоджаш
Сном своим и Зулайкою,
И разгадкою плохою.
Мрачный, как степная буря,
Брови черные нахмуря,
Из юрты выходит вон,
К старику подходит он.
А старик белобородый
С головой седой и гордой,
Хоть и самым умным слыл,
Мясо кииков любил.
Он сказал: «Мужчины слабы,
Коль совета ждут от бабы.
Зулайка, хоть и умна—
Женщина она, жена.
Так сказала потому,
Что по женскому уму
Удержать тебя стремится,
Потерять тебя боится.
А мужчина—богатырь,
Он пройдет земную ширь,
Сто смертей пред ним отступят
Коль мужчина—богатырь.
Ты охотником рожден,
Весь народ тобой вскормлен,
Не печалься, не пугайся,
Позабудь про глупый сон.
Ты охотник знаменитый,
Все пути тебе открыты,
В путь спокойно отправляйся
И с удачей возвращайся».
Долы-горы высоки,
Их просторы широки.
Манят горы Коджоджаша,
Манит дальний гул реки.
Тонкорогий, золотой
Всходит месяц над горой.
Собирается охотник
Снова в путь далекий свой.

ПЕСНЯ ДЕВЯТАЯ

Про страшный сон серой козы Сур-эчки

А в глухих горах жила,
Гор хозяйкою была
Серая коза одна,
Старая коза одна,
Сур-эчки звалась она.
Сур-эчки, как степь сера,
Бородата и мудра,
Беспощадна, словно буря,
И по-козьему хитра.
Тонкорога Сур-эчки,
Быстронога Сур-эчки,
По вершинам Ала-Тоо
Путь-дорога Сур-эчки.
Зорких глаз ее зрачки,
Словно молния ярки,
Много на веку видала,
Много знала Сур-эчки.

В эту ночь, смежив глаза,
Сон увидела коза.
Друга серого козла
Сур-эчки подозвала:
«Ох, супруг мой, Алабаш,
Серый друг мой, Алабаш,
Нам несчастье угрожает,
Верный друг мой, Алабаш!
Страшная пришла к нам сила,
Словно мух нас раздавила,
Всех детей четвероногих
Смерть скосила, Алабаш!
Имя сына Карыпбая
Коджоджаша из кытая
Носит та беда лихая,
Сила злая, Алабаш!
Вырос он стрелком отменным,
Длинноруким, с глазом верным,
Страх и смерть он кайберенам,
Козам серым, Алабаш.

К нам, в Кара-ункур, придет он,
Кровью камни гор зальет он,
Коз, козлят твоих убьет он!
Вижу: вот он—Коджоджаш!..
Кайберенам смерть несущий,
Вихрем по горам бегущий,
Пусть он сгинет, пусть погибнет,
Пусть умрет он, Коджоджаш!
Вижу: не цветы на скалах,
Скалы в крови пятнах алых,
Всех козлят, больших и малых,
Постреляет Коджоджаш.
Старым, как детей терять нам?
Больше их не нарожать нам,
В одиночестве торчать нам
Над горами, Алабаш...
Алабаш, одно спасенье:
Нам уйти без промедленья!
На разведку собирайся,
Отправляйся, Алабаш.
Место подыщи другое,

Защищенное скалою,
С родниковою водою,
С солонцами и с травою
Молодою, Алабаш!
Что трясешь ты бородою
И качаешь головою?
Думаешь, она мала
Для карыпова котла?
Съест Карып тебя с рогами,
И с рогами, и с ногами.
Жирными возьмет руками
Две звезды — твои глаза.
Больше здесь не оставайся,
В путь-дорогу собирайся,
На разведку отправляйся—
Так велит тебе коза!
Место здесь кругом открыто,
По камням стучат копыта,
Грянет с высоты обвалом
И сомнет нас Коджоджаш.
Место подыщи другое,
Окруженное скалою,
Чтоб козлятам нашим малым
Жить спокойно, Алабаш!
Собирайся, Алабаш,
Отправляйся, Алабаш,
Сон я страшный увидала—
В путь пускайся, Алабаш!»
А козел в ответ сердито
Стукнул о скалу копытом:
«Эх, ты, сивая коза,
Говорливая коза,
Словно баба боязлива
Ты, сварливая коза!
Сон какой-то увидала,
Зашумела, закричала,
А козла не напугала
Ты, болтливая коза.
Дружно жили мы с тобою,
Смертью мы умрем одною.
Место нам зачем другое?
Ах, спесивая коза!

Думаешь: Айрок миную—
Жизнь найду тебе иную?..
Землю не бросай родную,
Несчастливая коза.
Тот, кто родину бросает,
Даром по свету шныряет,
Не находит, а теряет
Тот, плешивая коза.
Край Кара-ункур — отрадный:
Ночью теплый, днем прохладный.
Где найдешь столь благодатный?
А? Шумливая коза?»
У козла—своя причина:
Был упрям он, как мужчина.
Для порядка он всхрапнул,
В первый раз козу боднул.
А коза, хоть и побита,
Подняла одно копыто,
На своем коза стоит,
Об одном коза твердит:
«Сам ты, видно, несчастливый,
Глупый Алабаш, хвастливый,
Не послушаешь меня—
Здесь умрешь, козел ленивый!
Что тебе Кара-ункур—
Сахар-мед здесь травы что ли?
Что тебе Кара-ункур—
Дом ты здесь построил что ли?
Если в скалы не уйдешь,
Всех козлят не уведешь—
Смертью скорою, жестокой,
Обязательно умрешь!
Вижу я: джигит железом
Голову твою отрезал!..
Конь у этого джигита
Крупный, золотокопытный,
А твоя седая шкура
Доставала до земли,
С лошади свисая, шкура
Волочилася в пыли.
Кожа мягкая такая,
Выйдут из нее штаны...

На штаны для Карыпбая,
Видно, стали мы годны!
А рога твои крутые,
Серебристые, витые,
В кипятке прокипятят,
Обкарнают, обстругают,
Гвоздики в них повбивают
И насваем* начинят.
Алабаш белобородый,
Самый умный, самый гордый,
Не упрямьтесь, отправляйтесь
В путь, козел мой благородный!»
Тут не выдержал козел,
Прибодрился, в путь пошел.
По вершинам гор махнул он,
Пробежал он каждый дол.

Но у старого бедняги
Силы меньше, чем отваги,
Притомился, запылился,
Очень скоро уморился.
По высоким, голым скалам,
Высунув язык, скакал он,
По долинам между скал,
Задыхаясь, пробегал.
Наконец, нашел он место:
Есть укрытье и не тесно,
Окруженное скалою
И поросшее травою.
«Место доброе нашел»,—
Говорит себе козел.
У ручья остановился,
Свежею водой напился,
Сладкой травкой подкрепился.
Отдохнуть прилег козел.
А охотник Куз-казык
Обошел соседний пик,
И с ружьем к козлу подкрался—
Грянул выстрел, гром раздался.

---

* Насвай — вид табака.

Был джигит стрелком плохим,
Не владел ружьем своим —
В Алабаша не попал он,
Лишь беднягу испугал он.
К небу подлетел козел,
И на землю сел козел,
И сейчас же со всех ног
Он пустился наутек.
По вершинам поскакал он,
По долинам побежал он,
И к козе своей обратно,
Запыхавшись, прибежал он.
Не пила коза, не ела,
От тревоги онемела,
На крутом стояла камне,
Неотрывно вдаль глядела.
«С чем пришел?» — козла спросила.
«Что нашел?»—козла спросила,
«Или спал ты, беззаботный,
Мой козел?»— со зла спросила.
«Место в скалах над рекой
С выпасом хорошим — есть ли?
В шестьдесят сортов с травою,
С солонцом пригожим — есть ли?
С крутизною снеговою,
Чтоб в беду укрыться, — есть ли?»

Проревел козел, как буря:
«Место есть — в Кара-ункуре!..
Слушай, сивая коза,
Боязливая коза:
Зря меня ты напугала,
Лопнули б твои глаза!
Сколько гор я ни обегал,
Сколько мест я ни разведал —
Лучше всех Кара-ункур,
Только это я изведал.
Если нас придут стрелять,—
Лучше тут, в краю родном,
Если время умирать,—
Мы в краю родном умрем!»

Говорит коза устало:
«Тут цветет шиповник алый,
Я на камне тут стояла,
Глаз с дороги не спускала,
И травы я не щипнула,
И воды я не глотнула,
Впал живот, я отощала,
Я все силы потеряла.
Там на склоне попасусь я,
Сил немного наберусь я...»

Двух зовет она козлят,
Пусть на камне, мол, стоят,
Чуть охотника заметят,
Пусть в две стороны летят—
Пусть один к козе бежит,
«Коджоджаш пришел»,—кричит,
Пусть другой к козлу бежит,
«В горы уходи»,— кричит.

«Вы козлятушки мои,
Вы ребятушки мои,
Всю семью тогда сбирайте,
Впереди отца пускайте
И подальше убегайте,
Вы, рогатушки мои».

Так сказала Сур-эчки,
По ущелью вдоль реки
Медленно пошла средь трав,
Одного козленка взяв,
От копытцев Сур-эчки
На сыром песке значки,
Все, что только что сказала,
Все, как-будто написала.
Кто вослед за ней пойдет—
Может быть, письмо прочтет.
Тонкорога Сур-эчки,
Быстронога Сур-эчки,
По нагорьям Ала-Тоо
Путь-дорога Сур-эчки.

ПЕСНЯ ДЕСЯТАЯ

Встреча Коджоджаша с серою козою

Тьма ночная тает где-то,
Теплым ветром отогрета.
Замахали над горами
Крылья белые рассвета.
Звезды, что зовут Весами,
Закатились за горами,
Камыши навстречу свету
Закачали головами.
Дали неба забелели,
Засветились, засинели,
Закричали куропатки,
Жаворонки зазвенели.
Холодком с воды подуло,
От земли теплом пахнуло,
И проснувшись, всё земное
Солнцу песню затянуло.
Глянул Коджоджаш на солнце—
Солнце светит, сердце бьется.
Чарыки свои достал,

Ноги туго обмотал,
Стан покрепче опоясал,
Наложил в мешки припасов,
После вычистил свое
Дальнобойное ружье,
Тряпкою протер сухой,
Белой повязал тесьмой,
Оседлал уздой звеня,
Медноногого коня,
И нагрудник опустил,
И подхвостник прикрутил,
И подпругой в два ремня
Затянул живот коня.
Путь-дорога далека,
Он готов!.. А Зулайка?...
Зулайка глядит на сборы,
Не вступает в разговоры,
Крепко мужа обнимает,
Сесть на лошадь помогает,
К стремени припав щекой,
Смотрит на него с тоской,
«Не поедешь, может быть?»—
Шепчет — трудно говорить.
Что охотник ей ответит,
Коль охота — все на свете,
Коль владеет сердцем страсть—
Беспокойная напасть?..
Он привстал на стременах,
С Акбараном на плечах,
И народу помахал,
«Будьте счастливы!» — сказал.
Отвечал народ ему:
«Счастье—дому твоему!
Нам на счастье ты рожденный.
На охоте закаленный,
Кайберенами вскормленный,
В путь счастливо поезжай,
И с удачей приезжай!»
Едет, едет Коджоджаш,
Перед ним вершины гор,
Скалы, красный косогор...
Едет, едет Коджоджаш,

Нравится ему простор.
Сильный, как верблюд степной,
Коджоджаш, кытаев сын.
Всех, что видел пред собой,
Кииков он бил один!
Едет, едет Коджоджаш,
Перед ним горбы высот,
Черный камень, белый лед...
Где ни едет Коджоджаш —
Все козлят он не найдет.
«Где ж удача?»— говорит,
Чуть не плача, говорит.
«Улетело мое счастье,
Незадача», — говорит.
«Полдень, время уж к обеду,
А рогатых — ни души,
Нету ни пути, ни следу,
Как дела нехороши!»
Он хлестнул коня камчою,
На Сонкуль взлетел стремглав,
Перед белою скалою,
Перед синею скалою,
Козье стадо увидав.
Брови черные нахмуря,
Смотрит он: в Кара-ункуре,
Среди трав и средь цветов —
Тридцать серых улаков,
Сорок белых чебичей,
Снега горного белей.
Укрываясь за вершину,
Он спускается в ложбину.
Слез с коня, его стреножил,
И мешок из козьей кожи
Из-за пазухи достал,
Пороха две горсти взял.
Порохом набил свое
Дальнобойное ружье.
Он короткий шомпол взял,
Пулю шомполом вогнал,
После длинный шомпол взял,
Длинным шомполом догнал,
«С одного гори удара!»—

Пороху он приказал.
Снежных скал хребет высок,
Вдалеке шумит поток,
Коджоджаш глядит на стадо,
Взводит медленно курок.
Блещет белый Акбаран—
Слава белого плеча,
Скоро станет сталь в руках
И громка, и горяча.
В шесть нарезов этот ствол
Нарезали мастера,
Теплым маслом этот ствол
Протирали мастера,
Белой шерстяной тесьмой
Обвязали Акбаран.
Все, что знались со стрельбой,
Почитали Акбаран.
Шли охотничьей тропой
Быстрокрылые стрелки,
Сары-а́рка шли горой,
И муста́ка шли горой.
По горам Кашгара шли,
Черны от загара шли,
Твердоруки и зорки,
Эти храбрые стрелки.
Коз, глодающих снега,
Растопыривших рога,
С шерстью гладкою, седой,
И с лохматой бородой,
Сотни разжиревших коз
Тут валили под откос.
А встречали коз худых—
И не убивали их,
Оставляли их гулять,
Жир и мясо набавлять!
Лучше всех стрелял в горах
Белоствольный Акбаран,
Дальше всех стрелял в горах
Дальнобойный Акбаран.
Разукрашенный приклад —
Слава белого плеча,
Сталь стреляет сердцу в лад,

И громка, и горяча!
Высоки верховья скал,
Вдалеке гремит обвал.
Коджоджаш, свой глаз прищуря,
Двух козлят на мушку взял.
А козлята, увидав
Акбаран издалека,
Бросились к козлу стремглав,
Растолкали старика.
«Ой, пришел,— кричат отцу,—
Тот охотник, наконец,
Не давай ему в обиду
Ты своих козлят, отец!
Мы стояли, мы смотрели
Там, где мать велела нам,
Блеск железа разглядели,
Пробежавший по камням.
Это—верная примета:
Нужно в горы уходить,
Это — он, охотник это,
Что пришел козлят убить!»
Плач козлят в горах звучит,
Важно Алабаш молчит,
Сур-энки-то притомилась,
Призакрывши веки, спит.
Ах, упрямый Алабаш,
Глупый самый Алабаш!..
Говорит своим козлятам
Бедный, старый Алабаш:
«Зря сюда не прибегайте,
Испугавшись, не пугайте,
Правда ль, что пришел охотник—
Снова сбегайте, узнайте»...
Два козленка задрожали,
Снова было побежали...
Что ж, охотник будет ждать,
Будет ждать и не стрелять?
Настороженное дуло
Снова вдалеке блеснуло,
Овсяницу шевельнуло,
Кисти камыша качнуло,
Засверкал огонь, за ним

Вырвался клубами дым,
Загремел короткий выстрел
И — от пули, смерти быстрой,
Рухнули козлята с камня,
Дрыгнув в воздухе ногами.
Два козленка уж убиты,
Что же мать их, Сур-эчки?
Ее уши сном закрыты,
И глаза ее закрыты—
Не видать их Сур-эчки.
А козлята испугались,
Все по склону разбежались
Коджоджашу-то — чего?
Он стреляет без умолку,
Тут покажет он сноровку,
Тут покажет мастерство!
Он дымит, не прекращая,
Он гремит, не умолкая,
На скаку и на лету
Всех козлят он убивает,
Никого ни оставляет,
Оглушает высоту.
Алабаш качнул рогами,
Взгромоздился он на камень,
«Посмотрю, что там», — решил,
Рухнул вниз он, как лавина:
Коджоджаш его единым
Выстрелом с горы свалил.
Сполз он с камня снегом талым,
Вниз обрушился обвалом,
И — настала тишина...
Нет потомства Алабаша,
Не спаслась от Коджоджаша
Даже и душа одна.
—Ну охотник! Вот стрелок-то!—
Восклицает Коджоджаш,
—Вот охота, так охота!—
Повторяет Коджоджаш.
—Может быть, остался кто-то?—
Размышляет Коджоджаш.
Долы-горы высоки,
Их просторы широки.

Влез охотник на вершину,
Смотрит вдаль из-под руки.
Заклубившись серым дымом,
Серым с огненным отливом,
Сур-эчки пред ним стоит
На высоком камне сивом,
И козленок с ней один,
Маленький, среди вершин.
Коджоджаш ружье схватил,
И козленка подстрелил,
В миг один, как тюбетейку,
Он его с горы свалил.
Сур-эчки на гладком камне
Как стояла, так стоит.
В небо упершись рогами,
Как глядела, так глядит.

ПЕСНЯ ОДИННАДЦАТАЯ

Клятва Коджоджаша, клятва Сур-эчки

Это не было иль было?..
Налились огнем глаза,
Встала шерсть, заговорила
Хриплым голосом коза:
«Кто позвал тебя сюда
В нелюдимый наш простор?
...Кровь убитых, как вода,
По камням стекает с гор.
Мать рогатая твоя*,
Мать живущих — Кайберен,
Одинокой стала я,
Все кругом — лишь прах и тлен.
Кто тебя сюда позвал
На вершины гор глухих?
Кто живому право дал
Истреблять других живых?
Не сужу я, я прошу:

---

* По народной легенде коза—Кайберен—прародительница киргизов.

Алабаш еще живой—
Пусть я с ним хоть подышу,
Пусть останется со мной.
Ты его не добивай,
Он и так не может встать,
Слезы лить не заставляй
Ты свою седую мать!
Стар он, немощен и тих,
Ты его не убивай,
И одну в горах пустых
Мать свою не оставляй.
У отца один ты сын,
Ты счастливый, Коджоджаш.
У козы козел один,
Этот сизый Алабаш!
Сделай светик Коджоджаш,
Белый цветик Коджоджаш,
Хоть одно добро мне сделай,
Горя вестник Коджоджаш.
Просьбу выполнишь мою—
Я тебя благословлю,
Из копытца Кайберена
Молоком я напою!»
Круторога Сур-эчки,
Тонкорога Сур-эчки,
Стоя против Коджоджаша,
Смотрит строго Сур-эчки.
Это не было иль было?..
В Коджоджаше кровь застыла,
А потом она вскипела,
И сказал козе он смело!
«Вот, коза, ты какова!
Понял я твои слова:
Ты козла себе возьмешь,
А сама куда пойдешь?
Мы с тобою — два врага,
Будет жить из нас один!
У тебя одни рога,
Выстрел у меня один.
Если ты меня сильней,
Думаешь живой уйти, —
Силой запасись своей,

Вот стою я — проглоти!»
«Что ж, — сказала Сур-эчки,
Сузив синие зрачки,—
Не даешь мне Алабаша—
Сам погибнешь от тоски.
От добра—добра не ждешь ты?..
Что коза стара—сочтешь ты?..
Что ж!.. Коль меткий ты охотник,
А я дичь — меня убьешь ты!
Я на белом камне стану,
Грудь подставлю, в очи гляну—
Застрели меня, охотник,
Иль сама тебя достану!

Алабаш — мое страданье,
Алабаш — мое желанье,
Отдавай козла, охотник,
Иль заслужишь наказанье!
Я прошу смиренно, слезно...
Уступи иль будет поздно,
И тогда за зло, охотник,
Я спросить сумею грозно!»

Говорит охотник с жаром:
«Я, стрелявший по архарам,
Бывший вихрем и пожаром,
Здесь на каменных обрывах
Медведей со скал валивший,
Черно-бурых, рыжих, сивых,
Их без счета подстреливший,
И всегда одним ударом, —
Времени не трачу даром!
Ты, коза, глупа и зла,
Не отдам тебе козла!
Ты храбра, а я силен,
Ты мудра, а я умен,
Хочешь силой потягаться —
Я стреляю, встань на склон».
Стукнула коза копытом,
Как из золота отлитым,
Вскинув голову высоко,
Встала камнем в камень вбитым.

Выстрел! — А коза стоит...
Выстрел! — А коза глядит...
Взгляд ее горит, как пламя,
Дымом шерсть ее клубит...
Выстрел! — А коза на камне,
В небе зацепясь рогами,
Недвижима, невредима,
Как стояла, так стоит.
Коджоджаш, как околдован,
И рассержен, и взволнован.
Сколько ни стрелял,— все зря,
Как ни заряжал,— все зря,
Кончились его заряды,
Время потерял — все зря!

Недвижима Сур-эчки,
Невредима Сур-эчки,
Перед ним на белом камне
Клубом дыма — Сур-эчки!
«Ах, ты так!»— вскричал охотник
Наточил кинжал походный,
И у серого козла
Срезал голову со зла.
Голову подняв седую,
Подошла коза вплотную.
«Ладно, — Сур-эчки сказала,—
Я добра тебе желала,
Но добра не увидала—
Так расплату принимай:
Выхожу на бой с тобою!
Коджоджаш, готовься к бою,
Клятву страшную давай.
Мать рогатая просила,
Ты ее не понял силы,
Слезы лить козу заставил,
Зря просить козу заставил,
Горько ей одной остаться,
По земле пустой скитаться,
Бесприютной и убогой,
Тенью серой хромоногой...
Коджоджаш, не жди прощенья,
Жди за зло свое отмщенья!

Минет лютая зима,
И однажды я сама
Серой тенью хромоногой
Встану над твоей дорогой,
Покручусь пред табунами,
Поиграю я с конями,
И увяжется за мной
Конь красивый молодой.
Вот тогда меня поймай,
Вот тогда в меня стреляй,
Вот тогда убей в бою
Мать рогатую свою!
Белый снег в горах растает,
Бурый снег в полях растает,
Половодьем вспухнут саи*,
Серая коза хромая,
Старая коза седая,
Я тогда к тебе приду.
Заманю коня-айгыра,
Коджоджаша Эрбатыра
За собою уведу.
Будешь ты, как я, блуждать,
Слез озера проливать,
Над судьбой твоей постылой,
Над пустынною могилой,
Простучат средь тьмы и тлена
Не копыта ль Кайберена?..
Сгложет кости Алабаша
Вся родня большая ваша,
А козе одной—что́ делать?
Старой и больной—что́ делать?..
Вымолвлю: «прощай» горам я,
С детства дорогим местам я,
И в горах растаю тучей,
Серой тучею летучей.
А покуда я клянусь:
От тебя не отступлюсь,
Горькою твоей печалью,
Гибелью твоей упьюсь!
Лед растает над горами

---

* Сай — горный поток.

Птицы зашумят крылами,
И наполнятся озера
Зулайки твоей слезами!»—
Так сказала Сур-эчки.
Но охотник был отважным,
Непокорным и бесстрашным.

«Слушай, сивая коза,
Говорливая коза,
Зря своей кичишься силой,
Ты, спесивая коза.
Никогда еще от века
Ты не съела человека,
Я же, чтоб народ кормить,
Должен вас, рогатых, бить.
Что же с толку ты сбиваешь?—
Не собьешь, не испугаешь!
Ты козла себе просила,
Смертью за него грозила,—
Алабаша я прирезал,
А не ты меня убила.

Коль хромая ты придешь,
Коль седая ты придешь,—
Без коня тебя поймаю,
А не ты меня убьешь!
Будет горе—справлюсь с горем,
Будет бой — приму я бой.
Было б для меня укором
Отступиться пред тобой»,—
Так ответил Коджоджаш.
Стукнула коза копытом,
Встала камнем в камень вбитым.
Крепкой клятвою клянется
Хриплым голосом сердитым:
«Если, как растает лед,
Желтый снег со скал сползет,
Не приду к тебе хромою—
Пусть обвал меня убьет!
Пусть, куда б не скрыться мне бы,
Рухнет синий купол неба,
И провалится, пыля,

Плоскогрудая земля!
Если слову изменю я —
Подлой падалью сгнию я!
Слово клятвы скал прочней,
Смерть твоя, охотник, в ней»—
Так клянется Сур-эчки.
Говорит герой открыто:
«Смерть в бою—удел джигита,
Только что это за бой
С хромоногою козой?..
Если снег сползет, растая,
Ты придешь ко мне хромая,—
Мне тогда коня не надо,
Мне тогда ружья не надо,
Я с тобой, козой хромой,
Справлюсь голою рукой!
Слово клятвы я сказал,
Это слово крепче скал.
Изменю ему — позором
Голову свою покрою,
Пусть язвят меня укором,
Пусть клеймят меня молвою!
Коль пойду я на измену—
Пусть на голову надену,
В знак позорища, штаны
Зулайки, моей жены*»,—
Так клянется Коджоджаш.
Сур-эчки тут встала дыбом,
Крикнула: «На том спасибо»,—
И копытцами взмахнула,
Словно руки протянула—
Над Кунгеем, черным камнем,
На прощанье пред свиданьем,
Серым дымом заклубилась
И из глаз мгновенно скрылась.
...Клятва крепкая дана,
Как исполнится она?..

---

* Народное присловье к клятве.

ПЕСНЯ ДВЕНАДЦАТАЯ

О том, как пришла Сур-эчки к Коджоджашу

Дуб осеннею порою
Листья желтые теряет,
И озябнувший, зимою
Белый снег в ветвях качает.
У людей свои приметы:
Осенью пришел с охоты—
Очаги зимой согреты,
Мясо есть—и нет заботы.
Зиму прожили кытаи
Беззаботно и безбедно.
...Закружились птичьи стаи
Над долиной пестроцветной.
Люди юрты разобрали,
Приоделись все на славу
И с весной откочевали
На цветущие джайляу.
И однажды — было ль, нет?—
Забелел в горах рассвет,

Звезды звякнули Весами,
Закатились за горами.
Слыша трели птичьих стай,
Встал с постели Карыпбай,
Совершивши омовенье,
Расстелил, кряхтя, платок,
Встал с молитвой на колени,
Обратившись на восток.

Вдруг, метнувшись над обрывом
Дымом с огненным отливом,
Приближаясь, озираясь,
Во все стороны шатаясь,
Щуря узкие глаза,
Показалася коза.
Встала против Карыпбая
Серая коза хромая,
Щиплет траву деловито,
Смотрит искоса, сердито.
А Карып в чем суть не знает,
Он табунщиков сзывает.
«Эй,—кричит,—коней седлайте,
Серую козу поймайте!
А поймавши, в дар Кайыпу[1]
Старую козу отдайте!»
Тут табунщики собрались,
С криком за козой погнались.
Только, сколько ни кричали,
Только, сколько ни скакали—
Серую козу хромую
Не догнали, не поймали.
Там и тут коза мелькала,
Бородой седой махала,
И ногою ковыляла,
Зазывала — исчезала
И растаяла, как сон.
Появилась вновь под вечер
Около отар овечьих,
Распугав их, разделила,
Пастухов всех всполошила,

---

[1] Кайып — сокращенное от Кайберен.

Загнала на горный склон.
Пастухи за ней бежали,
Зря бежали: не догнали,
Потеряли в суете.
Подошла коза хромая,
Серая коза седая,
К Коджоджашевой юрте.
Коджоджаш сидит, не знает,
Почему собаки лают,
По дорожке почему
Женщины идут к нему.

«Эй, охотник, как дела?
Говорят весна пришла,
Говорят, что к вам, охотник,
Дичь одна сама пришла.
Вы ее нам изловите,
Вы ее нам подстрелите,
С солью и с мукой баштанга*
Наварить нам помогите.»
Тут он войлок приподнял,
Увидал—не увидал,
Выстрелил из Акбарана,
Выстрелил—и не попал.
Головой седой качая,
Отошла коза хромая,
На пригорок опустилась,
Словно что-то ожидая.
Долы-горы высоки,
Их просторы широки,
С белой юрты Коджоджаша
Глаз не сводит Сур-эчки.
Свой смертельный спор с козою
Коджоджаш не забывал.
Встал он перед Зулайкою,
И нахмурясь, ей сказал:
«Зулайка, моя отрада,
Что тут делать, как тут быть?
Уходить мне в горы надо,
Надо в горы уходить.

---

* Баштанг — кушанье, приготовляемое на девичнике.

Слово клятвы крепче камня,
Крепче камня и огня.
Чудо с козьими рогами
На пригорке ждет меня.
Я тебя, мой друг, оставлю,
Мимо гор пойду и рек,
Я поверить всех заставлю,
Что бесстрашен человек,
Что ничто его бесстрашью
Встать не в силах поперек.
...Нужно в горы Коджоджашу,
Нужно в горы—вышел срок.
С шеей тонкою, как серна,
Кареглазая моя,
Будешь ты просить, наверно,
Чтоб с тобой остался я.
Ты разумница, я знаю,
Ты отважна и умна.
Как останусь я, родная,
Если клятва мной дана?
Я пойду, идти я в силах,
Я на свете всех сильней.
Стариков моих унылых,
Одиноких, пожалей.
Суждено ль назад вернуться
Иль погибну я в борьбе?
Суждено ли улыбнуться
Вновь возлюбленной, тебе?..
Сердце скорбь сдавила злая,
Голова полна огнем...
Ждет меня коза хромая
Там на камне вековом.
Черно-бурою лисицей
Ты сверкала, Зулайка,
Ты женой мне и сестрицей
Старшей стала, Зулайка.
Руку дай мне на прощанье,
Прислонись к моей груди
И в далекое скитанье
Коджоджаша проводи!»
Молвит Зулайка, вздыхая:
«Жеребенок, стригунок,

У отца, у Карыпбая,
Ты единственный сынок.
И у матери Бийкеч ты—
Не единый ли сынок?
Не меня, а их беречь ты
Должен, резвый стригунок.
Стригунка ты молодого
За коня не принимай,
Ты из-за пустого слова
Жизнь на ветер не бросай.
Как из-за козы негодной,
Из-за выдумок своих,
Жизнью жертвовать свободной,
Покидать друзей, родных?
Это все свинец с железом,
Все проклятое ружье!
Нить джамбы свинцом разрезав,
Сердце ты разбил мое.
Страсть твоя грознее смерти,
Дружбы и любви сильней...
Раз один хоть мне поверь ты,
Страсть пустую одолей.
Что тебе не жить в народе,
Что тебе не жить, как все?..
Ах, зачем один уходишь
В горы по ночной росе?
Увлечен ты свистом пули,
Каждый день—опасный путь.
Раскаленные ты угли
На мою бросаешь грудь.
Ты хватаешь их горстями
И сжигаешь жизнь дотла.
...Не ходи, останься с нами,
Если я тебе мила!
Что коза? — одна причуда,
Дунешь—и растает дым.
...Нет, не уходи отсюда
Ты за призраком пустым.
Не бросай народ свой милый,
Не туши в душе тепла,
А не то — твоей могилой
Неприступною, унылой

Станет дикая скала,
А не то, мне даже вести
Не узнать в краю родном
Ни о жизни, ни о смерти,
Ни о подвиге твоем!
Не ходи, мой друг любимый,
Непокорный, нелюдимый
За негодною козой
В трудный путь, непроходимый!»
Зря просила Зулайка:
Коджоджаш не слушал слов.
Зря молила Зулайка:
В путь опасный он готов.
Слово клятвы он сказал,
Это слово крепче скал.
Акбаран шестинарезный
Он в поход с собою взял.
Мальчика в горах нашел он,
В свой аил его привел он.
Сарткошчу, тот мальчик, встал,
Брови сдвинув, так сказал:
«Коджоджаш, мой старший брат,
Свой тебе или чужой я?
Коджоджаш, мой старший брат,
Если свой—пойду с тобой я,
Я в дороге помогу,
От врага оберегу!»
Тот ответил: «Подрастай,
Мать, отца оберегай,
Им поможешь—так вдвойне
Ты в беде поможешь мне.
Скоро вырастешь джигитом
С сердцем сильным и открытым,
Будешь другом, как и мне,
Зулайке, моей жене.»
Мать, отец в слезах молили —
Не послушал Коджоджаш,
Родичи, друзья просили —
Не послушал Коджоджаш!
Он сказал им: «Не останусь!
Буду я последний трус,
Если битвы испугаюсь

И от клятвы отопрусь.
С малолетства сам служил я
Со своим ружьем в руках.
Видно, так уж создан был я—
Кайберенам всем на страх.

Разве жить среди народа:
В тишине, в довольстве жить?
Жить в народе нужно гордо,
Трудный подвиг совершить!

Я смотрел в четыре глаза,
Думал: лучше не пришла б,
А пришла — собрался сразу,
Значит—не труслив, не слаб.
Этот спор — мое несчастье,
Жалко жизнь и жаль жену,
Но в крутой дороге счастье,
И с нее я не сверну.
Жизнь отдам я молодую,
Чтоб решить кровавый спор,
Рек излучины пройду я
И вершины древних гор,
Изловлю козу хромую
И в котел вам положу я,
Завершу я славой спор!
Зулайку мою храните,
(Хоть сама она умна)
Приласкайте, поддержите,
Чтоб не плакала она.»
Зулайка его руками
Молодыми обхватила,
Залилась она слезами
И дорогу преградила.
Он с земли подругу поднял,
Словно малого ребенка,
На прощанье крепко обнял
И отвел ее в сторонку.
А печаль его пожаром
В глубине души пылает,
Всем—и молодым, и старым—
Долгой жизни он желает:

«Будь здоров, родной народ мой,
Пожелай мне возвращенья.
Домом занят иль охотой —
Смерть придет без извещенья.
Люди в путь уходят дальний,
И живыми остаются,
А другие вдруг, случайно,
Дома с жизнью расстаются.
Так прощай же, Каракол мой,
Будь счастливым и цветущим,
Снежный край мой, вешний дол мой,
Будь свободным и могучим!»
Много шло за ним народа,
Ободряли на прощанье,
Провожали пешехода
В трудный путь, на испытанье.
За руку его держала
Зулайка, бежала рядом,
Слезы крупные роняла
На тропу весенним градом.
Сердце таяло. снегами,
Слезы брызгали ручьями,
Обнимала, целовала,
«Мой единственный!»—шептала...

Вот в последний раз обнялись,
Распрощались и расстались.
А под серою скалой,
Над зеленою водой
Сур-эчки лежит на камне
И качает головой.
Долы-горы высоки,
Их просторы широки.
Приближенье Коджоджаша
Замечает Сур-эчки.

ПЕСНЯ ТРИНАДЦАТАЯ

О том, как гнался Коджоджаш за Сур-эчки

Сур-эчки, как степь сера,
Непреклонна, как гора.
Сразу хромота пропала,
Так была она хитра.
Тонкорога Сур-эчки,
Быстронога Сур-эчки,
Словно буря поскакала
Вдоль отрога Сур-эчки.
Но бесстрашен Коджоджаш,
Смел, отважен Коджоджаш,
Добродушный и открытый,
В гневе страшен Коджоджаш.
К бурям он привык и к бедам,
К пораженьям и к победам.
Он погнался за козою
По нагорью, свежим следом.
Шагом исполина шел,
Дол или вершина—шел,

Темная теснина—шел,
Скользкая стремнина—шел.
Он, не отдыхая, шел,
И не уставая, шел,
В ливнях вымокая, шел,
Силы, набирая, шел,
В солнце загорая, шел,
Сердце закаляя, шел!

По белеющим снегам,
По лиловым ледникам,
По высотам неприступным,
По стремнинам и горам,
Шел охотник дни и ночи,
Темнота темнила очи,
Белизна слепила очи...
...Шел охотник дни и ночи:
По отвесным горным кручам,
По кустарникам колючим,
По ущельям непроглядным,
Травяным лугам прохладным,
По лесам — под листопадом,
По горам — под снегопадом,
По обрывам, по провалам,
По обвалам небывалым;
По искристым водопадам,
По кремнистым перекатам,
По скалистым голым скатам,
Против ветра, против бури,
По обрывистым громадам
Шел охотник дни и ночи,
Путь не делался короче.
Сур-эчки вдали мелькала,
Зазывала, пропадала,
Козий след, едва приметный,
За собою оставляла.
Шел охотник козьим следом,
Глубже в горы забирался,
А в душе под встречным ветром
Жаркий пламень разгорался.
Шерсть козы клубилась дымом,
Серым, с огненным отливом,

Словно рядом... Нет, не рядом!
Снова гнаться по громадам,
Снова гнаться, снова мчаться,
Руки ободрав об камни,
Ноги разодрав до крови,
Где-то там, над облаками,
Пробираться с небом вровень.
Труден путь, нужна сноровка,
А труднее—остановка!
Остановишься—и скалы
Скалят зубы над тобою,
С громом рушатся обвалы.
Темно-рыжею, рябою
Небо шкурою нависло,
Словно тигр, готовый к бою,
Прыгнет—чуть остановись ты.
Остановишься—и стала
Тишина кругом такая,
Словно ты—листочек малый,
А она, как лес, большая.
Словно ты—всего пылинка,
Пролетишь—и нету следу...
Нужно сил для поединка,
Нужно выдержать победу —
Так шагай без замедленья
Шагом трудным, шагом длинным...
Только вечное движенье
Против ветра—путь к вершинам!
Говорят, что Коджоджаша
Видели в горах Кашгара,
Там, где озеро, как чаша,
Скалы, как рога архара.
Говорят, следы скитальца
Появлялись, пропадали
На слоистых глыбах сланца,
На высоком перевале.
Видно этот несчастливый
В несчастливый день родился!
Через быстрых рек извивы,
Через горы он стремился,
А коза пред ним мелькала,
Словно молния скакала.

«Я схвачу тебя»,— твердил он,
Все вперед, вперед спешил он,
А она звездой сверкала,
Из камней обледенелых
Искры-брызги высекала,
У потоков белопенных
Радугою возникала,
А протянешь руку — нету,
И опять иди по следу,
И опять ползи по кручам
За противником летучим,
За виденьем, сновиденьем,
За рогатым навожденьем.
Через скалы и стремнины,
Через воды и вершины,
Через горы Ала-Тоо,
Водопады и быстрины—
Шел бесстрашный Коджоджаш.
Через красную равнину
Черно-красного Кочкора,
Через Ат-басан вершину
И Нарына косогоры,
Через реки, через горы,
Через снежные заторы
И зеленые просторы —
Шел отважный Коджоджаш.

И Челеком, и Чарымом
Шел путем непроходимым,
А коза пред ним скакала,
Пролетала серым дымом.

Пробегали друг за другом,
Друг за другом, круг за кругом,
То рысцою, то скачками
Эти двое над горами.
Над слоистою горою —
Только двое, эти двое.
Над пустыней, над рекою —
Снова двое, эти двое!

А коза ослабевала
И движенье замедляла.
То и дело за уступом,
Притаившись, отдыхала.
Коджоджаш за нею гнался,
Новой силы набирался.
Он на камне раскаленном,
Как железо закалялся.
От загара его тело,
Как литая медь, блестело,
Чарыки его порвались,
Платье на плечах истлело.
Блеском отливал железным
Акбаран шестинарезный.

Где он шел, там пыль клубилась,
А земля, как снег, искрилась,
Миновал Кетмень-Тюбе он,
На Алае был он белом.
На таких стоял он ска́лах,
Где и птица не летала,
В тех болотах находился,
Где и лебедь не садился,
Был он всюду, где от века
Не бывало человека.

Видел горных рек рожденье,
Поднебесных льдов свеченье,
Гор незримое движенье,
Горных родников кипенье,
Видел он леса густые,
Травы и цветы лесные,
Видел скалы золотые,
Камни разные цветные.
И счастливый, и несчастный
Мир увидел он прекрасный,
Черный в полночь, в полдень — ясный,
Мир неведомый, опасный.

«Что ж,— он думает,— недаром
Мчусь я ветром и пожаром,
На кон голову поставив,

Молодую, золотую.
Мать, отца, жену оставив,
Чтоб поймать козу хромую.
Вот сейчас ее схвачу я,
Это чудо проучу я!»
Руки вытянет — и нету,
Нету ни козы, ни следу;
След найдет — и нету следу,
Свет найдет — и нету свету!
Мчится он Сары-ункуром
По отрогам темно-бурым,
По излучинам Ак-сая,
Где теснина меловая,
По камням Узун-кунгея,
Что самих небес синее.
По горам Сары-булака,
Где звенят ручьи средь мрака,
И кричат улары* резко
Среди солнечного блеска —
Так он гнался за козою,
Удивляя все живое.

Проходил он журавлиной,
Кызыл-кийскою долиной,
Сары-бель и Карачок
Он прошел наискосок.
И не замедляя шаг,
Пересек Кара-кыяк.
Вот и Сары-бель — крутые
Котловины золотые.
Камни блещут перед ним
Блеском золота живым.
Сколько золота — смотри,
Хочешь — в пригоршни бери!
Но ему не нужен клад,
Силой он своей богат.
Одичалый, одержимый,
Страстью страшною гонимый,
Он спешит своей тропой.
За косматою козой.

---

* Улар — горная индейка.

Скок ее он ближе слышит,
С ней одним дыханьем дышит,
Озирается Эчки,
Видит он ее зрачки,
И хрипит коза, как буря...
Рядом на Алма-конгуре
С золочеными рогами
И с точеными ногами.
Крутороги и поджары
На хребте стоят архары.
Если хочешь — с ходу, с шага
Выстрели из Акбарана,
Старый выполни обычай,
Будешь с крупною добычей!
Он едва взглянул — и мимо,
Головой тряхнул — и мимо,
В путь проклятый и прекрасный
За козою, за злосчастной.
А коза с трудом дышала,
Всю надежду потеряла.
«От охотника погибну»,—
Горестно она шептала.
И неслась по Шамышкалу,
Кызылчанскому провалу,
Там, где мраморов ступени
Шли наперерез обвалу.
А охотник, пробегая
По вершинам Мазар-сая,
Говорил: «А, не ушла ты
От меня, коза хромая!
Вот сейчас тебя схвачу я
И руками обхвачу я,
Козью шкуру распластаю,
Мясо людям потащу я.
Истомившись от погони,
Одичав на голом склоне,
От козы я не оставлю
Даже печени вороне.
Сколько рек и гор прошел я,
Весь земной простор прошел я!
Увела коза хромая,
Свой оставил Каракол я.

Я жену в слезах оставил,
Мать, отца в слезах оставил,
Ног растрескались подошвы,
Свой Талас в цветах оставил.
Юность жизни бесприютной,
Где ты, где ты за горами?..
Я устал в дороге трудной,
Что гудела под ногами.
Ах, исполнишься ли, нет ли
Ты, заветное желанье?
Засмеюсь ли смехом светлым,
Позабуду ль про скитанье?
И пойду ль рука с рукой
По дороге с Зулайкой?..
Много думал, горевал он,
Сам с собою рассуждал он,
Одинокий, нелюдимый,
Ветром странствия гонимый.
Только чуть он загрустит —
Веселей коза бежит,
Вновь копытами по камню
Вдалеке она стучит.

Вот и скалы Капка-таш,
Темно-алы Капка-таш,
В каменные их ворота
Хмуро входит Коджоджаш.
Кок-мойнок, Чат-карагай,
Хвойных рощ зеленый край,
Соловьев веселых пенье,
Щебет, шелест птичьих стай.
Шире, шире быстрый шаг,
Ближе, ближе хитрый враг,
Коджоджаш козу хромую
В Манка-бель загнал, в овраг.
А она опять скакнула,
Ири, кулем промелькнула,
Тааргаром и Корумом
Пробежавши, ускользнула.
Все Таласские верховья
Вновь облазил Коджоджаш,
Уч-чурека, Чон-кошоя

Гребнем лазил Коджоджаш.
Опустился он в низовья
Кара-чок и Шолпылдак,
Не нарушил он условья,
Позабыл про Акбаран.

Прыгнув через седловину,
В сторону скосив глаза,
За Джелькекскую равнину
Припустилася коза.
Оглянулась, зашаталась,
Захлебнулась, растерялась.
«Ну,— подумала,— теперь-то
Я охотнику досталась!»
Тот решил: «Туда в долину
Загоню козу седую.
Там-то я ее настигну,
Захвачу и освежую!»
Шире, шире быстрый шаг,
Ближе, ближе хитрый враг,
Шерсть козы седой облезла,
Черен человек и наг.

Мукачи, Калбу, Бешташ
Пробегает Коджоджаш,
А коза идет ущельем,
Огибает Талды-таш.
Обогнула, опустилась
Над источником Талды,
Свежей травкой подкрепилась,
Горной попила воды.
Оглянулась — не осталось
Неисхоженной земли.
Вся страна уже промчалась,
Горы-долы все прошли.
Никого кругом, лишь двое,
Лишь охотник и коза.
Небо светит синевою,
Вод сверкает бирюза.
Под коричневой скалою,
Где река Талас текла,
Над рекой стояли двое,

Трудны были их дела.
Сур-эчки пошла водою,
Реку быстро перешла.

А в преддверии Кенкола
Пышные поля лежали.
Средь возделанного дола,
Юрты белые стояли.
Был зеленым и счастливым
Край без бедных и богатых...
Дыма серого извивом,
Навожденьем туч косматых
Пронеслась коза Кенколом,
Краем тихим и веселым,
Пролетела и пропала,
Будто вовсе не бывала.
А на каменном подножье,
В травах зеленей атласа,
Мавзолей высокий сложен,
Древний мавзолей Манаса.
Мавзолей на солнце прямо
Смотрит аркою своей.
Высится он над горами
И над осыпью камней.
Росписи на нем сверкают,
Ярким золотом горя,
Человека вспоминают,
Славят путь богатыря.
Тонкорога Сур-эчки,
Быстронога Сур-эчки.
Но куда же ей деваться,
Где дорога Сур-эчки?
Меловым холмом летит,
По камням, как тень, скользит.
Вслед за ней Сары-булаком
В гору Коджоджаш спешит.
Ярки камни, как цветы
Небывалой красоты.
На камнях шумят потоки
Белопенной быстроты.
Над потоками архары
Замерли на крутизне,

Ярко-рыжи, как пожары,
Блещут в синей вышине.
Кок-дунаном голубиным
Снова вниз коза бежит,
По стремнинам, по долинам
Коджоджаш за ней спешит.
Вот и поле... Полю рада
Вскачь пустилась под откос,
И увидев козье стадо,
Замешалась среди коз.
Много коз, а ни одной
Нет, как Сур-эчки, седой.
Коджоджаш ее приметил,
Вновь погнал перед собой.
На пути опять река,
Многоводна, глубока,
Гуси плещутся и утки,
Проплывают облака.
Вот и крепость Тагаймата,
Где цветут сады крылато,
Где гуляют кобылицы
И резвятся жеребята.
А коза опять мелькнула
И куда-то ускользнула,
Где-то около Таласа
За скалу она скакнула.
Шире, шире, шире шаг,
Не спасется хитрый враг.
За плечом у Коджоджаша
Блещет белый Акбаран.
«В той долине изловлю я,—
Думал он,— козу хромую,
В черной каменной долине
Путь далекий завершу я.»
Был бесстрашен Коджоджаш,
Смел, отважен Коджоджаш,
Закаленный, как железо,
В битве страшен Коджоджаш.
Слово клятвы он сказал,
Это слово крепче скал.
Сколько гор крутых прошел он,
Сколько горя испытал!

Он спускается в теснину
И в Таласскую долину,
Что его тут ожидает,
Что по силам исполину?..

ПЕСНЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

О том, как Зулайка искала Коджоджаша

Круглолица Зулайка,
Краснощека Зулайка,
Кареглаза Зулайка,
Красотой своей сверкала,
Как алмазом, Зулайка.
Красотой она сверкала —
Коджоджаша повстречала,
Коджоджаша провожала —
Косы с плачем заплетала,
Камнем на горе стояла,
Глаз с дороги не спускала,
Тосковала Зулайка.
Снится ей однажды сон:
Перед ней в цветах долина —
Не Таласская ль равнина?—
Скалы с четырех сторон,
А она—с любимым рядом,
Смотрит он счастливым взглядом —

Друг подруге возвращен.
Просыпалась Зулайка,
Улыбалась Зулайка,
А наутро в путь-дорогу
Собиралась Зулайка:
«Вспомнит кто об одиноком,
Если он в пути далеком?..
Где скитается охотник,
Где он бродит серым волком?
Нужен был и знаменит он,
А ушел — и вот забыт он.
Год прошел и нету вести —
Может, мертвым где лежит он?..
По следам за ним пойду я.
По горам глухим пойду я.
Как бы ни ушел далеко —
Друга милого найду я!»
Карыпбай пришел к невестке:
«Нет ли вести?»—«Нету вести.
Что же делать нам, отец мой,
Не придумаем ли вместе?»
«Сбросить лет бы половину,
Я пошел бы в помощь сыну,
А сейчас на что гожусь я?
Лишь на горе и кручину.»
«В путь идти мне разрешите,
Дочь свою благословите,
В поиски за Коджоджашем,
Зулайку вы отпустите!»
«Хоть и женщина, умна ты,
Дочка у меня одна ты,
Что ж, дитя, иди в дорогу,
Потихоньку, понемногу
Долы-горы обойди ты,
Весть о сыне принеси ты!»
Смотрит робко Карыпбай,
Плачет громко Карыпбай,
Плачет и невестку гладит,
Как ребенка, Карыпбай:
«Плохо, доченька, у нас:
Двадцать юрт — кытаев род,
А на помощь в трудный час

Ни один из них нейдет.
Сарткошчу покуда мал,
Он в походах не бывал,
Не найдет в горах он следу,
Как бы долго ни искал.
В горе ты лишь помогла,
Ты сердечна и смела;
Черного не надевала,
А на розыски пошла.
В путь идти благословляю,
Светлого пути желаю,
Исполненье всех желаний
Я тебе найти желаю!»
Тут, решимости полна,
Словно выросла она,
В юрту белую входила,
Словно белая луна,
В путь нелегкий собиралась,
Как мужчина, одевалась,
В чарыки обувши ноги,
Втихомолку улыбалась.
Косы черные собрала,
На затылке завязала,
Лисий тюбетей* надела,
И еще похорошела.
Стала юношей пригожим,
На охотника похожим,
Посох странника взяла,
Попрощалась. И ушла.
По долам-низинам шла,
По горам-вершинам шла,
По сырым теснинам шла,
По речным стремнинам шла,
Шла она, не тосковала,
Милого следы искала
И сама себя в дороге
Потихоньку ободряла:
«Он не близко, как и небо,
А нужней воды и хлеба.
Землю всю за ним пройду я,

---

* Тюбетей — круглая шапка с меховой опушкой.

Как бы он далеко ни был.
Лишь бы был он, мой родной,
На поверхности земной».
День и ночь она идет,
Ей невмочь — она идет,
Некому на белом свете
Ей помочь — она идет.
День и ночь, не отдыхая,
Шла она, не уставая,
Как костер горящий—искры,
Свет и юность рассыпая.
Все вершины оглядела,
Похудела, загорела.
И страдающей душою,
Одинокой, повзрослела.
В Ала-Тоо нет дороги,
Каменисты гор отроги,
Как она передвигала
В кровь изодранные ноги?
Сколько вынесла мученья,
Страха и тоски напрасной?
Сколько силы и терпенья
В этой женщине прекрасной!
Где охотник? Кто расскажет?
Кто дорогу ей укажет?..
Разве зверь он неразумный,
Чтоб укрыться в горной щели?
Разве мальчик он безумный,
Чтоб бродить в горах без цели?
У него своя работа,
Тайная своя забота.
Зулайка-то понимает,
Для чего ему охота.
Самым сильным хочет быть он.
И не может отступить он.
Чтоб так жить, так как же должен
Родину свою любить он!
Каждая жена поймет ли?..
Каждая жена пойдет ли
Вслед за мужем терпеливо?
С Зулайки пример возьмет ли?..
Вся от голода иссохла,

Пожелтела и поблекла,
Загрубела от загара,
От ночных ветров оглохла.
Шла она, порою плача:
«Юности я не видала,
Налетела неудача
И цветок судьбы сломала!
Ах, куда тебя, охотник,
Завела коза хромая?
Сопечальник, созаботник,
Без тебя хожу одна я.
Холодно одной в постели,
Словно на снегу в метели,
Боязно одной в дороге,
Бедные ослабли ноги.
Надо мною, одинокой,
Не прокаркает и ворон.
Только путь да путь далекий,
Только горы, только горы...»
Очень Зулайка страдала
И стонала в это время,
По кустарникам блуждала,
Ночевала в это время.
Кожа щек ее цветущих
Облезала в это время.
Как она в горах дремучих
Тосковала в это время!
Шаг за шагом, вздох за вздохом
Свет теряла в это время,
Слезы крупные горохом
Рассыпала в это время.
Через скалы, через горы,
Через дикие просторы,
Где не ходят, как ни яры,
Даже черные архары,—
Проходила Зулайка.
Через темные теснины,
Через горные стремнины,
Где вода кипит, как пламень,
Да гремит в ущельях камень —
Проходила Зулайка.
Через рытвины, трущобы,

Через заросли, чащобы,
Сквозь колючки продираясь,
С козьих тропок не сбиваясь,—
Проходила Зулайка.
Через черный дол пустынный,
Где травинки ни единой,
Где ходить еще от веку
Не случалось человеку —
Ночи шла она за днями,
С затвердевшими ступнями,
С огрубевшими руками,
Худенькая, небольшая,
Эта женщина простая,
Зулайкой звалась она.
Все снесла она лишенья,
Испытала все мученья,
Выбранная по влеченью,
По сердечному стремленью,
По желанию,— жена.
Перед гребнем перевала
Вдруг робела, уставала,
Сил лишалась Зулайка.
И на камень обгорелый,
От ветров и солнца белый,
Опускалась Зулайка.
«Ой, как жалко жизни бедной,
Ой, приходит день последний
Горькой юности моей!
Нет со мною Коджоджаша,
Нет со мною Коджоджаша,
А тропа все тяжелей...
С милым сердцу не живу я,
По горам хожу-брожу я,
Друга милого ищу я,
Становлюсь я все слабей.
Где охотник, кто мне скажет?
Кто мне путь к нему укажет?
Коджоджаш! Остановись ты,
На мой голос отзовись ты.
Улыбнись жене своей,
Протяни ты руку ей.
Старый твой отец рылает,

Скорбь жену твою съедает,
По горам она блуждает,
Странницу ты пожалей,
Помоги в дороге ей!»
Горько Зулайка рыдала,
Громко, горестно кричала,
Горы, скалы проклинала,
Где пропавший друг, не знала.
Гребни снежные Таласа
Наконец-то увидала.
Гребни снежные Таласа
И большую котловину
Увидала Зулайка.
Там ручьи светлей алмаза
По горам бегут в долину,
Где раскинулась река.
Там снега под солнцем тают
И прогалины сверкают,
Белогрудые взлетают
Ласточки под облака,
Ясно небеса синеют,
Ярко травы зеленеют.
Там печальна и робка,
Тихо встала Зулайка,
...Коджоджаша увидала
Там она издалека.
Долы-горы высоки,
Их просторы широки,
Там блестят в осколках кварца
Слезы милой Зулайки.

ПЕСНЯ ПЯТНАДЦАТАЯ

О том, как встретились Зулайка и Коджоджаш

Жизнь прекрасна и страшна,
Превращеньями полна.
Зсе приходит, все уходит —
Так и движется она.
В белых льдах, в снегах Талас,
В родниках, в ручьях Талас,
В сердце снежных скал — долина,
В травах и в цветах Талас.
Кто мелькает под скалой
Серой тенью грозовой?
Сур-эчки от Коджоджаша
Скачет тропкою крутой.
Кто минует горный склон,
Словно ястреб, окрылен,
Вот сейчас козу настигнет?..
Коджоджаш, конечно, он.
Кто, увидев их двоих,
Слезы льет из глаз своих?
Зулайка остановилась
У подножья скал седых.

«Коджоджаш, остановись,
Коджоджаш, оборотись!
Если это ты, не призрак,
На подругу оглянись!
Сколько я путей прошла,
Сколько дней, ночей прошла,
Наконец, тебя, мой милый,
Мой единственный, нашла!»
Коджоджаш остановился,
Оглянулся, изумился,
Думает: «Не сон ли это?»
Растерялся удивился:
«Сколько гор за мной прошла,
Весь простор земной прошла!
Как же в женском сердце слабом
Столько сил она нашла?»
Повстречались снова двое,
Встретились рука с рукою,
Встретились щека с щекою,
Встретились душа с душою,
Друг с подругой дорогою.
Сели тут они вдвоем
На пригорке над ручьем.
Счастье, что такое счастье?
Промелькнувший сквозь ненастье
Неба синего клочок?
Глаза черного зрачок,
Где твое изображенье
Отразилось на мгновенье?
Ветер? Солнце? Облака?—
Счастье это — Зулайка.
Зулайка — вода
в пустыне безводной,
Зулайка худа,
как журавль голодный,
Как орех, крепка,
Как камыш, тонка,
Милая избранница,
Умница и странница
Зулайка.
А пока они вдвоем,
Сур-эчки от них тайком

Попила, поела вволю,
Подкрепилась над ручьем.
Молодые травы ела,
На людей хитро глядела:
Отдохнуть еще, мол, дайте,
Чтоб коза вас одолела!
Зулайка сидит тишком,
Присмиревшим соловьем.
И арман* свой Коджоджашу
Молвит тонким голоском:
«Все, что можно, ты свершил,
Все печали пережил,
Выполнил свою ты клятву —
Воротись в родной аил.
Жизни юной не губи,
Ствол под корень не руби,
Зулайку в ее страданьях
Пожалей и полюби.»
Зулайка к нему ласкалась
И сквозь слезы улыбалась,
Словно ищущий защиты
Жаворонок, прижималась.
Отвечал охотник строго:
«Каждому — своя дорога.
Не горюй, моя подруга,
Потерпи еще немного.
Скоро кончатся скитанья,
Испытанья и страданья.
До козы уже остался
Только локоть расстоянья.
Мы с козою клятву дали,
Слышали ту клятву скалы,
Протянуть осталось руку —
Будет все, как мы сказали:
Голою рукой возьму я
Серую козу хромую,
Пояс повяжу на шею,
В свой аил козу сведу я.
Изменить джигит не в силах,
Отступить джигит не в силах!

---

* Арман — заветная мечта, неисполненное желание.

Не зови меня обратно,
Слов не трать напрасно милых.
Ведь пока я был с тобою,
Запаслась коза травою,
Запаслась коза водою.
Отпусти меня, подруга,
Вновь в погоню за козою!»
Он вскочил, и вбок глядит он,
Там коза стучит копытом,
Шерсть ее клубится дымом,
Серым, с огненным отливом.
Омрачилась Зулайка,
Огорчилась Зулайка.
— Видно, шла я по-пустому,—
Оскорбилась Зулайка.
Но подумала: «А как же
Я обижу Коджоджаша?..
Постараюсь улыбнуться
Веселей ему и краше.
Что желанья, что стремленья?
Сила женщины — терпенье.»
Боль скрывая, отвернулась,
Через силу улыбнулась
И ему пожала руку
На прощанье, на разлуку.
«Что ж,— сказала,— я пошла...
Видишь, слез не пролила!
Каждому — своя дорога,
Каждому — свои дела.
Жизнь охотника сурова,
Не отступит он от слова.
Может быть, козу поймаешь
И домой вернешься снова.
Крепок будь в своем скитанье,
Будь бесстрашен в испытанье,
Жив-здоров — на том спасибо...
Слово молви на прощанье.»
К сердцу Зулайку прижал он,
На прощанье так сказал он:
«За крутых верховий глыбы,
Где архары не прошли бы,
Где подвижны льды, как рыбы,

Где опасны рек изгибы,—
От души тебе спасибо!
За опасную дорогу,
За всечасную тревогу,
За прекрасную подмогу,
За любовь, каких немного,
За непролитые слезы,
Затаенные угрозы,
За весны увядшей розы,
За ненастье и морозы,
За одну из всех улыбок —
От души тебе спасибо!
На меня не обижайся,
Сопечальница моя,
Жить в аиле оставайся
Ты, избранница моя!
Старику скажи: здоров, мол,
Сын твой, странница моя,
Возвращусь под отчий кров, мол,
Я, красавица моя.
От козы я не отстану,
Не присяду, не устану,
И добычу я достану,
И вернусь к родному стану,
Обниму тебя за плечи,
Вновь твои услышу речи...
А пока прощай до встречи,
Слышишь, умница моя!»—
Он сказал. И отвернулся,
И из рук жены рванулся,
Вновь погнался он по следу
Добывать свою победу.
Постояла Зулайка,
Помолчала Зулайка,
И обратно в путь-дорогу
Зашагала Зулайка.
Долы-горы высоки,
Их просторы широки,
Там сердец влюбленных тайны
В скалы прячут ветерки.
Вечный век стоять горам,
Вечный век журчать ручьям,

Сколько троп там перекрестных
Пробегает по камням!
Тяжела тропа, легка ль,
А идет все вдаль и вдаль,
Каждому — своя дорога,
Для нее — души не жаль.

ПЕСНЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ

О том, как взошел Коджоджаш на неприступную скалу Аблетим

Долы-горы высоки,
Их просторы широки.
По горам идут дороги,
И дороги нелегки.
И пока путем обратным
Пробиралась Зулайка;
Обжитым местам приятным
Улыбалась Зулайка;
Утешала Карыпбая:
«Жив, мол, сын ваш и здоров»,
Слезы от людей скрывая,
Под родной входила кров,
Не сгибалась, выпрямлялась
С горделивой головой.
Белой лебедью казалась
Над озерной глубиной;
И покуда принимала
Со всех юрт она гостей,

И рассказом удивляла,
И решимостью своей,
И пока все это было —
Вдоль горы и вдоль реки
Коджоджаша уводила
За собою Сур-эчки.
По верховьям Кумыш-тага,
По серебряной горе,
Шла, не убавляя шага,
Сур-эчки наверх, к заре.
Над зарей, над небом алым,
Камнем черным и литым,
Черным зеркалом сверкала
Не вершина ль Аблетим?
Аблетим — скала такая,
Подступа нигде к ней нет.
К той скале коза хромая
И вела свой хитрый след.
Коджоджаш ее в Таласе
Чуть за шею не поймал.
А теперь она неслася
К Аблетиму гребнем скал,
С камня прыгала на камень,
Выше, выше, скок да скок.
Коджоджаш — за ней прыжками,
На горы влезать он мог!
Вот подъема половина,
Черный камень гладок, крут.
...Аблетима сердцевина
Словно задрожала тут,
И туман, густой и белый,
Вниз пополз с вершины скал...
Коджоджаш не знал, в чем дело,
Знал бы—путь не продолжал!
Он ползет, с лица стирает
Он туман, как капли слез...
Ах, никто из нас не знает,
Как скользил он, падал, полз,
Как на пик скалы влезая,
Встал на нем над всей землей!..
А ведь то коза хромая
Навела туман густой,

Навела, чтобы герою
Больше не было пути,
Чтоб поднявшись над скалою,
Не суметь с нее сойти!
Потемнел туман белесый,
Сделался еще плотней.
Прыгнуло за той завесой
Чудо на Кызыл-кунгей.
И над красными камнями,
В Аблетим вперив глаза,
В небо упершись рогами,
Встала серая коза.
Говорит она сурово
Козье клятвенное слово:
«Вот он, горы исходивший,
Кайберенов изнуривший,
Их потомство истребивший,
Их отца-козла убивший,
Враг мой, нынешний и бывший,—
Вот стоит он недвижим
Над скалою Аблетим...
Пусть же вспять не хлынут реки,
Звезды не сойдут к земле,
Пусть останется навеки
Он на каменной скале!»
Тут туман заколыхался
И рассеялся, как дым.
И охотник оказался
На вершине Аблетим.
Оглянулся Коджоджаш,
Ужаснулся Коджоджаш!
Черный камень под ногою
Черным зеркалом сверкал,
Полированной стеною,
Неоглядной крутизною
С высоты к земле сбегал.
Пропасть — сразу под ногой,
Небеса — над головой,
Коджоджаш, как вороненок,
Примостился над скалой.
А коза — ему она
На другой скале видна,

И сказал он, горемычный,
К испытаниям привычный:
«Ты, коза, хитра и зла,
Ты нечисто спор вела.
Застрелить тебя я мог бы,
От меня бы не ушла.
Ты ж туману напустила,
На вершину заманила,
Но, хоть мне не повернуться,
Ты меня не победила.
Пусть один я над скалою,
Между небом и землею —
До последнего дыханья
Посмеюсь я над тобою.
Посмеюсь над крутизною,
Посмеюсь над высотою,
Гордо жил — погибну гордо,
С поднятою головою!»
А коза в ответ: «Прощайте,
Богу душу отдавайте,
Станьте воронам добычей,
В гости их к себе сзывайте».
Закричала, заскакала,
Бородою замахала
И копытами по склону
Издалёка застучала.
Коджоджаш от гнева вспыхнул,
Акбаран мгновенно вскинул,
Перешиб козе он ногу,
Выстрелом ее настигнул.
Пошатнулася коза,
Обернулася коза,
На охотника копытом
Замахнулася коза:
«Ах, мне ногу повредил ты,
Кость на память раздробил ты!..
Все ж тебя я победила,
А меня не победил ты.
Сгинешь ты на камне черном,
Одиноким, обреченным,
Кости на камнях истлеют,
Высохнут на солнце горном.

Будет твой народ в смятенье,
А потом придет забвенье,
Память о тебе, охотник,
Смоет новых рек теченье.
Но навек неразделимо
Со скалою Аблетима
Будет имя Коджоджаша,
Где погиб он нелюдимо.»
Это Сур-эчки сказала
И клубами дыма стала,
Серым, с огненным отливом
Дымом вдалеке пропала.
Коджоджаш стоял в молчанье,
Красное зари сиянье
Колыхалось под скалою,
Как ночных костров пыланье.
Тишина кругом такая,
Что конца ей нет и края,
Только кровь в висках стучала,
Песню жизни продолжая.
Над скалою—красный пламень,
Под ногою—черный камень,
Черный с блеском ледяным
Склон вершины Аблетим.
Вниз спуститься невозможно,
Вверх подняться невозможно.
Крыльев нет у человека,
Значит, гибель непреложна.

Но душе его крылатой
Не поникнуть пред расплатой,
Даже и в оцепененье,
В одинокости проклятой.

«Гордо жил — погибни гордо»—
Так велит закон народа,
Жизнью славится и смертью
Богатырская порода.
Долы-горы высоки,
Их просторы широки.
Коджоджаш над Аблетимом
Вечен, смерти вопреки.

ПЕСНЯ СЕМНАДЦАТАЯ

О том, как спасали и не спасли Коджоджаша кытаи

Черный камень недвижим,
Черный камень Аблетим.
Человек-то ведь не ка́мень,
Что в душе его, что с ним?

Солнце гаснет, брызнув в очи,
Звезды гаснут в пепле ночи,
Но глаза его не гаснут,
Смотрят жестче, видят зорче.

Что ни утро — солнце всходит,
Что ни вечер — вновь заходит.
Четки дней перебирая,
Чередою жизнь проходит.
Чашу неба опрокинув,
Частоколом горы сдвинув,
Что судьба с ним сотворила,
На скалу его закинув?..

Только ветер в утешенье
Прилетает на мгновенье,
Запах чабреца приносит
В каменное заточенье.
Чу, как будто плач звучит,
Частый стук копыт стучит.
Через реки, через горы
Что за человек спешит?
Это старый Карыпбай
Свой родной покинул край,
Беспокоится о сыне,
И недаром, Карыпбай.
Неогляден, недвижим
Черный камень Аблетим,
Упирается он в небо
Черным острием своим.

Коджоджаша с этой глыбы
Разве разглядеть могли бы
Старые глаза Карыпа?
Век его бы не нашли бы.
Сам он всадника заметил,
Издали отца приметил,
Крикнул: «Карыпбай», и эхо
С гор донес к Карыпу ветер.
Встал Карып под Аблетимом,
Взгляд его застлало дымом,
Уж не сам ли черный камень
Крикнул голосом любимым?
Будто бы скала качнулась,
Будто небо пошатнулось,
И мгновенная надежда
В старческой душе проснулась.
«Где ты, сын мой? Где ты, милый?
Разглядеть тебя нет силы...
Ты иль этот черный камень
Подал голос мне унылый?»
И опять он слышит дальний
Голос, слабый и печальный:
«Я, отец мой,— твой заботник,
Твой кормилец и работник,
Я, потерянный тобою,

Незадачливый охотник!»
Этот голос узнавая,
Бьется сердце Карыпбая.
Смотрит он. У края глыбы
Словно точку различая,
Сына узнавая, плачет.
Горе сына горько, значит,
Много горше своего!..
Вот каким был плач его:
«Белым соколом ты был,
В небо вылетать любил,
Был бесстрашен и удачлив,
Как же крылья обломил?
Что же ты с собой наделал,
Сокол белый,
Сокол белый?!.
Резвым скакуном ты был,
Ветер ты опередил,
Не было тебе преграды,
Что ж копыта раздробил?
Что ты сделал, жеребенок,
Жеребенок,
Мой ребенок?!.
Среди гор тебя искал я,
Отыскав, не отыскал я.
Как взлечу к тебе без крыльев,
Как сниму тебя со скал я?
Горько плачу над тобою
Под скалою,
Под скалою...»
Тронул сердце храбреца
Безутешный плач отца:
«Мой отец седой, не плачь,
Над моей бедой не плачь!
Ведь козу настиг я было,
Хвост схватил рукой — не плачь.
А она из рук скользнула,
Дунула — туман надула,
До небес скалу взмахнула,
Под скалою той не плачь!
Лучше поезжай домой ты,
Собери народ родной ты,

Лестницу к скале пристрой ты,
Лестницу ты строй — не плачь!»
Черный камень недвижим,
Черный камень Аблетим.
Человек-то ведь не камень —
Жив он, коль надежда с ним.
Чей-то плач вдали звучит,
Частый стук копыт стучит,
Через горы, через реки
Что за караван спешит?
Чепраки коней расшиты,
Челки, гривы ветром взвиты,
Подъезжают к Аблетиму
Чернобровые джигиты.
К Аблетиму подъезжают,
В поле юрты расставляют,
И огонь под казанами
Молодицы раздувают.
Тьма окутывает горы
И небесные просторы.
Там звезда над Аблетимом
Или Коджоджаша взоры?..
Зулайка глядит на небо —
Стать крылатой птицей ей бы,
К милому она б взлетела,
Принесла воды и хлеба!
Если встретишься с любовью —
За нее заплатишь кровью,
Длинный счет она ведет
Беспокойству и безмолвью.
Ты за ней — она умчится,
Где-то в небе растворится,
От нее — она в плечо
Вцепится, как ястребица.
Скажешь: «Было и прошло,
Тропы ветром замело...»
А она все вновь и вновь,
Как звезда горит во мраке.
...Дело трудное любовь,
С ним управится не всякий.
Очень грустно Зулайке
Под скалой стоять в тоске,

Под огромною скалою,
Коджоджашевой бедою.
...Вот они и повстречались,
Ставши небом и землею.
Не встречаясь, повстречались,
Не прощаясь, разлучались —
Разделенными скалою
На свиданье оказались.
Черная скала блестит,
Зулайка ей говорит:
«Долы-горы высоки,
Их просторы широки.
Слышен ли тебе, охотник,
Слабый голос Зулайки?
Просьбам ты не внял моим,
Горд был, непоколебим,
И нашел себе кочевье
На вершине Аблетим!
Там тебя достать — кому,
Помощь оказать — кому?
О судьбе сказать печальной
Ветру — больше никому.
Мы приучены к ненастью,
К непокою и несчастью,
Но сейчас я онемела
Перед страшною напастью.
Я костром горящим стала,
Пламенем летящим стала,
Черным углем раскаленным,
На земле лежащим, стала.

Лес сосновый под горой,
На горе — сосна одна...
Жертвой стала бы за твой
Жребий горестный жена!»
Ночь молчит. Скала стоит.
В темноте река блестит.
Ветер со скалы подул,
С ветром слово вниз летит:
«Не рыдай, не плачь, Зулай,
Делом горю помогай!

Лес сосновый под горой?
На горе сосна одна?—
Вырубить тот лес густой
Научи людей, жена.
Коль сложить сосну с сосной,
Укрепить сосну с сосной,—
Будет лестница у нас
Выше неба высотой.
А окажется мала —
Возведите холм большой.
Вновь окажется мала —
Мост постройте под скалой,
Всем народом победим
Мы вершину Аблетим!»
А наутро вдоль горы
Зазвенели топоры.
Поняли заботу все,
Вышли на работу все,
Кто с киркой, кто с топором,
Кто с охотничьим ножом.
...Не было в то время пил —
Дерево топор валил!
Стали люди лес рубить,
Сосны красные валить.
Круглые стволы стругать
Да арканами вязать.
...Не было еще гвоздей
В это время у людей,
Лишь топор был да аркан!..
Но народ-то — великан,
Лестницу соорудил,
К Аблетиму прислонил...
Белые стволы скрипят,
На стволах узлы трещат.
...Лестница, как ни длинна,
Оказалась не годна!
Стали дружно землю рыть,
Груды камня подносить,
Из камней и из земли
Холм высокий возвели,
Тащат лестницу на холм,
Подымают вверх рывком.

Сосны гнутся и скрипят,
На стволах узлы трещат —
Длинной лестницы такой
Не стояло над землей,
Но, как ни длинна она,—
Оказалась не годна!

Неприступен, недвижим
Горный камень Аблетим.
Коджоджаш, как вороненок,
Снизу видится родным.
Громко плачет Зулайка,
Горько горе старика.
...Люди руку протянули,
Да рука-то коротка!
День прошел, и день, и ночь —
Что же сделать? Чем помочь?
Можно ль выдумке людской
Отступить перед бедой?..
С лестницею той — не вышло,
С земляной горой — не вышло,—
Способ должен быть другой,
Но и тот пустой — не вышло!
Люди в юрты побежали,
Все арканы поснимали,
Их в один соединили,
Крепко-накрепко связали.
Люди на горы влезали,
На скалу аркан кидали.
Только сколько ни кидали —
Коджоджаша не достали.
Снова день и снова ночь,
А беде нельзя помочь!..

Разожгли костры кытаи,
Молча сели под скалою.
Дружны и добры кытаи,
А поделать что с бедою?
Коль беда неотвратима —
Так встречай ее сурово!

Под скалою Аблетима —
Ни движения, ни слова.
Люди головы склонили,
Замерли перед бедою.
...Будто бы камнями были
Эти люди под скалою.

ПЕСНЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Смерть Коджоджаша

Неприступен, недвижим
Черный камень Аблетим.
Трудно одному на камне
Быть недвижным, но живым.
Сколько исходил вершин
Коджоджаш, Карыпа сын!
Вот он в цепи гор закован,
И остался он один...
Гор просторы—перед ним,
Рек узоры—перед ним,
Все родные, все кытаи—
Видят взоры!—перед ним.
Слышит он людей дыханье,
Слышит трудное молчанье...
Карыпбай седой встает,
Говорит слова прощанья:
«Видишь, мы прикочевали,
Родом мы на помощь встали,
Со скалы ж тебя не сняли,

Вороненок, Коджоджаш!
Ходоком отважным был ты,
И стрелком бесстрашным был ты,
А меня не схоронил ты,
Мой ребенок, Коджоджаш!
На подъеме трудном в гору
Ты один мне был опорой,
Ты давал мне силы в горе,
Жеребенок, Коджоджаш!
На пути с горы высокой,
Ты поддержкой был, сынок мой,
Ах сынок мой, голубок мой,
Мой заботник Коджоджаш!
Свет в моих глазах единый,
Мой роженый, мой родимый,
Заарканен ты вершиной,
Мой охотник Коджоджаш!
Сотни кииков убивший,
Барсов, тигров, львов валивший,
Ты ль, таким могучим бывший
И в несчастье, Коджоджаш?—
С небо был ты вышиною,
Горы были пред тобою
С пиалу величиною, —
Где ж сейчас ты, Коджоджаш?..
Если с жизнью распрощался,
Значит в ад ты собрался,
Вспомни тех, кто здесь остался,
Вспомни нас ты, Коджоджаш!
Я умру—с женой что будет,
С бедной Зулайкой — что будет?
Со скотом, со всем хозяйством
Женщине одной — что будет?..
На земле мы — на скале ты,
Нам скажи свои заветы,
Добрые твои советы
Все исполнят, Коджоджаш.
Горная крепка порода,
Гордо жил — погибни гордо,
И тебя среди народа
В песне вспомнят, Коджоджаш!»
Так сказал он, зарыдал он,

«Жеребенок?»..-- закричал он,
На Кизыл-Кунгей взбежал он,
Без сознания упал он
На камней замшелых край,
Бедный старый Карыпбай.
Весь народ заволновался,
Возле старика собрался.
...Знать, отцам-то нелегко,
Старикам-то нелегко,
Вòвремя мать умерла,
До беды не дожила!
Глядя на отца, впервые
Коджоджаш заплакал тут.
Слезы крупные, скупые
По щекам его текут:
«Батюшка, не плачь, мой милый,
Старенький, седой, унылый!
Видно, уж с моей судьбою
Никакой не сладить силой.
Поручаю я народу
Об отце своем заботу,
В испытанье и в лишенье
Наш народ—нам утешенье!
Зулайка, моя жена,
Ты отважна и умна,
Оказалась ты вдовою
Умница моя, жена.

Меж тобой и мной—стена,
Плачь, не плачь — стоит она.
На скале я — на земле ты,
Спутница моя, жена.

Был стрельбой я занят с детства,
На жену не нагляделся...
Дальнобойный Акбаран —
Вот и всё мое наследство.
Грянул гром — сползла лавина,
Были дни — промчались дни.
Слушай, сердца половина,
Счастье — ты, а я — кручина,
Счастьем горе помяни,

Шестимесячного сына
В чреве бережно храни!»
Застонала Зулайка,
Зарыдала Зулайка.
Сарткошчу, ее жалея,
Речь повел издалека:
«Разрешите мне спросить
В этот час, мой старший брат:
Сарткошчу, как должен жить
Он без вас, мой старший брат?...
Вспомнили вы о жене,
Об отце, а я—чужой?..
Или быть бродягой мне,
По степи бродить пустой?
Может, лучше мне уйти,
Коль не нужен, не любим.
Может, кто-нибудь в пути
Назовет меня своим?»
Отвечает Коджоджаш:
«Уж таков обычай наш:
Слово к старшим—впереди,
Слово к младшим—позади.
Если б первым ты не встал,
Слово к сроку б услыхал.
Охраняй, прошу, отца.
Утешай, прошу, отца,
Больше глаз своих храни
Честь джигита, храбреца.
Зря не говори: уйду
В степь пустую на беду —
Даже гуси с высоты
Возвращаются к гнезду!
Удальством ты не кичись,
От упрямства откажись.
Неразумным, молодым
Зулайке не покажись!
Тут, у смерти на краю,
Всё тебе я отдаю:
В жены ты себе возьми
Зулайку, жену мою.
Вот и всё свершил, сказал,
Всё, чем дорожил — отдал...

Для того ли, мой народ,
У тебя я силу взял?

Для того ли и сейчас
Я — в беде — сильнее вас,
Чтобы прыгнуть со скалы,
Ослабев в последний час?..

Нет, я вверх идти рожден,
Жить всегда в пути рожден,
Чтоб народ жил на земле—
Коджоджашу на скале
Выстоять велит закон!»
Скот непоенный ревет,
Скот некормленный ревет,
Позабыв свои заботы,
Не расходится народ.
Дети малые кричат,
Молодицы голосят,
А мужчины, онемевши,
Под скалою встали в ряд.
И кричит старик один:
«Со скалы бросайся, сын!»
Неприступен, недвижим
Черный камень Аблетим.
Человек-то ведь не камень —
Что ж ему тягаться с ним?
Но от века и до века
В ширн не было земной
Ни такого человека,
Ни погибели такой!
И стояла под скалою
Зулайка, его жена,
С распустившейся косою,
С поднятою головою,
Трепетала над землею
Черным пламенем она.

Зорька небо обагрила,
Зулайка заговорила:
«Мой охотник, посмотри —
Красен, красен свет зари,

На земле лежат, голы,
Сосен срубленных стволы;
Твой отец, изнемогая,
Падает, едва вставая;
Плачут женщины и дети,
Словно за тебя в ответе;
Ты страдаешь на скале,
Мы страдаем на земле!
Мы народом всем трудились,
Силы наши истощились,
Сделали мы, что смогли.
Но тебя мы не спасли—
Значит, ни к чему борьба,
Значит, такова судьба!
За своей ты шел судьбою,
Хромоногою козою,
Сильным был ты, сильным стал,
Меру силы испытал.
Скажешь: в этой силе счастье? —
Счастье это иль злосчастье?..
Мать ты и отца измучил,
Нет на мне лица — измучил,
Даже брата Сарткошчу,
Бедного юнца, измучил.
Каждому — своя судьба,
Каждому — своя тропа,
Пусть твоя и высока,
У меня своя тоска:
Народится сиротой
Девочка иль мальчик твой.

Гуси серые летели,
С красной шейкой гуси есть,
На болоте гуси сели,
С черной шейкой тоже есть.
Гуси разные на свете,
Люди разные на свете.
Расстаемся мы с тобою,
Будем вместе на том свете.»
А заря была, как кровь,
И сгорела в сером мраке.
...Дело трудное любовь,

С ним управится не всякий.
Говорит охотник страстно:
«Уж теперь мне стало ясно —
Жить напрасно я стремлюсь,
С гибелью борюсь напрасно.
Каждому — своя забота,
Каждому — своя работа.
Горе кто мое поймет?
Кто поймет, как жить охота?
За козой по свету гнался,
В поднебесье я забрался,
Чтобы путь бесстрашный мой
В памяти людей остался.
Больше вас томить не стану,
Зря стада губить не стану,
Вам на горе на скале
Неприступной — жить не стану!
Зулайка, смири тревогу,
Собирай народ в дорогу,
Взяв Карыпа, в край родной
Отправляйтесь понемногу.
Брошу душу — это надо ль?
Вниз обрушу — это надо ль?
Черные ко мне летят
Вороны, почуяв падаль.
Смертная петля на шее,
А земля мне все милее!
Тяжело мне, Зулайка,
С каждым мигом тяжелее...

Если дочку ты родишь,
Назовешь ее Каныш.
Коджоджашеву кровинку
В колыбельке ты взрастишь.

Если сын родится наш,
Пусть зовется Молдоджаш,
Будет памятью, подарком,
Что оставил Коджоджаш.

Пусть богатырем растет,
Смело по земле идет,

Кости пусть мои отыщет,
И ружье мое возьмет.

Ой, как трудно умирать,
Эту землю оставлять!..
Даже Акбаран мой верный
Мне нельзя с собою взять!
Брошу вам его, родные,
Посмотри ты, Зулайка,
Все куски его стальные
Собери ты, Зулайка.
Все теперь... Теперь прощайте,
Будьте живы на земле,
Будет трудно — вспоминайте
Коджоджаша на скале.»
Горы, спрятанные мглою,
Это слово повторили.
А кытаи под скалою
Разом все загомонили:
«Прыгнет он сейчас на камни!
Горе, горе! Смерть близка!»
И кровавыми слезами
В муке плачет Зулайка.
Сердце углем раскаленным,
Как тут не сойти с ума!
Онемев под камнем черным,
Камнем сделалась сама.
Жизнь!.. Как трудно с ней расстаться,
Коль глаза еще светлы!
...Трижды был готов кидаться
Коджоджаш с крутой скалы,
Медлил он... А под скалою
Зулайка — живой пожар —
Все пила, чтобы водою
Притушить сердечный жар.

Кто имеет уши, слышит,
Кто глаза имеет, видит,
Кто имеет разум, знает:
Жизнь короткою бывает,
В тяжких муках умирает
Обрывающий свой век,

Одинокий человек!
А друзьям — как это видеть?
Землякам — как это видеть?
Сколько мужества им нужно,
Чтобы смерть такую вынесть?
Говорят, охотник тут же
Акбаран с плеча сорвал,
Обернул его потуже,
Бечевой перевязал
И швырнул, взмахнув руками,
Со скалы ружье свое.
...Стукнулось о каждый камень
И разбилось; и кусками
Стало мелкими ружье.
Говорят, во тьме искала
Эти части Зулайка,
Камешки перебирала
В злой напасти Зулайка.
И один осколок малый
Еле-еле отыскала,
С шило лишь величиной
Был осколок тот стальной.
Тот осколок отыскала
И к губам его прижала,
«Памятка от Коджоджаша»,—
Спрятавши его, сказала.

И охотник в смертной муке
Оглядел вершины скал.
«О народ мой!» — в миг разлуки
Непреклонно он сказал.
Он шагнул навстречу смерти,
Прыгнул в пропасть богатырь.
...И гудящий горный ветер,
И громад гранитных ширь
Повторили этот возглас,
Чтоб вовеки не забыть...
Коджоджаша гордый голос
Будет в сердце горном жить!

Кончил жизнь охотник бедный,
Кончил жизнь и стал легендой,

Песней подвига и счастья...
Счастье это иль злосчастье?
Это ведомо живым
Да вершине Аблетим.
С мертвым ведь не умирают,
С горьким плачем провожают...
И живут, и продолжают
Труд привычный на земле...
И кытаи уезжают,
Уезжают, оставляют
Коджоджаша на скале.

ПЕСНЯ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

О том, как шли дни и родился
у Зулайки сын Молдоджаш.

Над рекою рек Чаткалом,
Где привольно диким скалам,
Есть вершина Аблетим
С черным блеском ледяным.
А в родимом Караколе
Там цветов и трав раздолье,
На горах блестят снега,
Между гор лежат луга.

Двадцать белых юрт стоят,
В стороне юрта одна,
В юртах люди говорят,
В тишине юрта одна.
Там над грудой одеял,
Где охотник раньше спал,
А теперь никто не спит,—
Погребальный тул* висит,

---

* Тул — изображение умершего мужа (его чучело или одежда, повешенное над супружеским ложем).

Горести недавней знак,
Памяти печальной знак.

Зулайка в юрте одна,
В черное облачена,
Полуплач и полупесню
День и ночь ведет она:
«Ой, куда, куда ушел ты,
Навсегда куда ушел ты?
Ой, ко мне не возвратишься
Больше никогда — ушел ты!..
За тобой мы кочевали,
От беды тебя спасали,
Не спасли тебя от смерти,
Со скалы тебя не сняли,
Хоть бы день один с тобою
Мне прожить на свете дали!
Ах, куда, куда ушел ты?
В темном месте что нашел ты?

Горы встали между нами,
Скалы с черными зубцами,
А земля трясиной стала
Под моими ли ногами?
Ах, куда, куда ушел ты?
В темном месте что нашел ты?

Встанет солнце в час восхода —
Нет тебя среди народа...
Хоть пять дней со мной бы прожил
Ты до своего ухода!
Ах, куда, куда ушел ты?
В темном месте что нашел ты?..

Был ты в мире самым лучшим,
Самым добрым и могучим.
Хоть шесть дней со мной бы прожил
На пути к небесным кручам!
Ах, куда, куда ушел ты?
В темном месте что нашел ты?

Жизнь короткой оказалась,
Смерть жестокой оказалась,
Пожила с тобой я мало
И сироткой оказалась...»

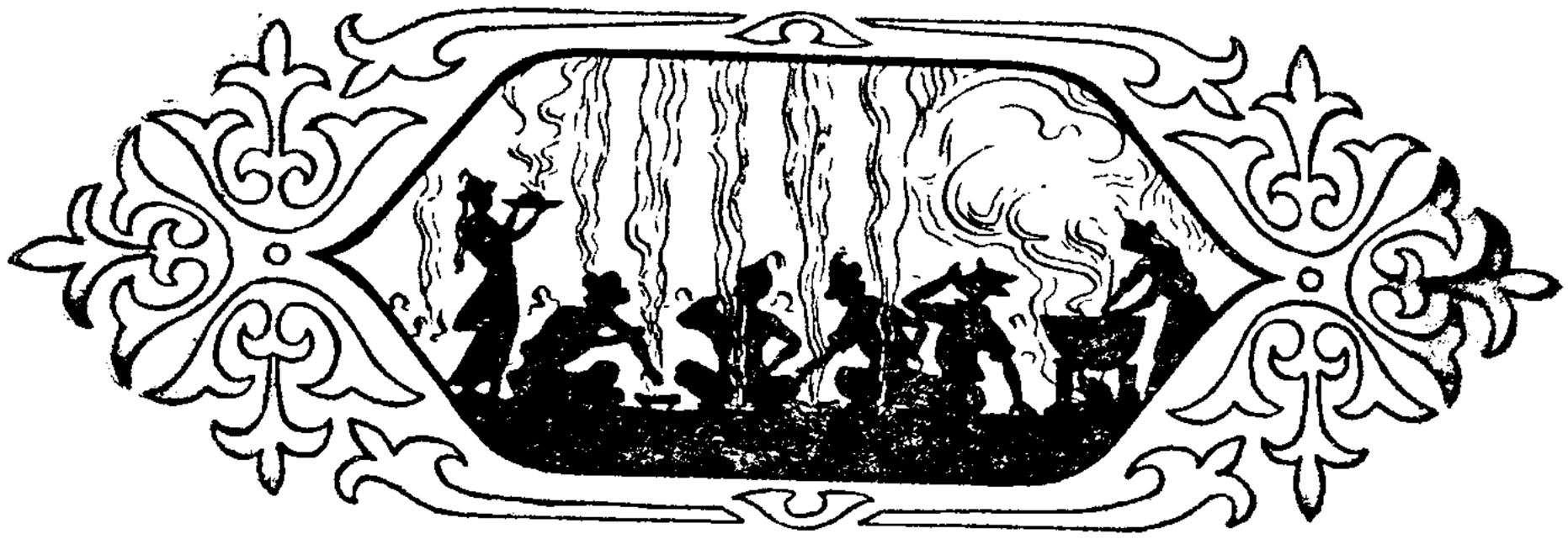
В голос Зулайка рыдала,
Горько, глубоко вздыхала,
Кровью красною своею
Белое лицо пятнала,
Плакала: «Куда пойду я,
Коджоджаша где найду я?..
Одинокою вдовою
Как переживу беду я?»
Как костер, в ночи потухший,
Потемнела Зулайка,
В пору юности цветущей
Постарела Зулайка.
Двадцать белых юрт стоят,
Вдалеке юрта одна.
В юртах люди пьют, едят,
И в тоске юрта одна.
Долы-горы высоки,
Их просторы широки.
Даже самой злой печали
Дни и ночи коротки.
Хорошо, что коротки:
Все погибли б от тоски!
...День настал—и сын родился
У прекрасной Зулайки.
«Если сына миру дашь,
Пусть зовется Молдоджаш»,—
Говорил жене, с землею
Расставаясь, Коджоджаш.
«Подрастает пусть силен,
Горным солнцем закален,
След мергена Коджоджаша
На скале пусть сыщет он.»
Зулайка дитя качает.
И слова те вспоминает:
«Памятка от Коджоджаша
Сохранилась!» — восклицает.
Люди радостными стали,

К Карыпбаю **побежали.**
«Богатырь родился, мальчик —
Суюнчи* давай!» — сказали.
И ослепший Карыпбай,
Одряхлевший Карыпбай
Сразу на ноги вскочил он,
Вдруг прозревший Карыпбай.
На ноги вскочил, идет,
Видит, чуть ли не поет.
...Столько силы у ребенка,
Столько счастья он дает!
Молдоджашу в день рожденья
Дал народ благословенье,
Скот зарезав по обряду,
Пировало все селенье.
Мясо ели, песни пели
Дни и ночи всей недели.
Словно Коджоджаш к народу
Возвратился в самом деле!
Мягче летнего цветка
Материнская щека,
Мимолетней мотылька
Материнская рука.
Мятой пахнущий слегка
Милый запах молока.
Месяц золотой—малыш,
Мать — широкая река.
Мать поет — молчит малыш,
Мать встает — и спит малыш,
Маленький, поспи пока...
Миловидна и ловка,
Моложава и крепка
Снова стала Зулайка.
Народился сын большой,
Словно месяц молодой,
Набирается он силы
Горной, солнечной, земной.
На вершинах — снег и лед,
А в долинах — жизнь цветет.
Богатырь один уходит,

---

* Суюнчи — подарок за радостную весть.

А другой за ним встает.
Над рекою рек Чаткалом,
Где привольно диким скалам,
Есть вершина Аблетим
С блеском черным ледяным —
Там остался Коджоджаш.
А в прекрасном Караколе,
Где цветов и трав раздолье,
Где в горах блестят снега,
Между гор лежат луга —
Там родился Молдоджаш.

ПЕСНЯ ДВАДЦАТАЯ

О том, как Зулайка стала женой Сарткошчу, а сын ее Молододжаш встретил в горах охотников

Много троп, дорог в горах,
Много гроз, тревог в горах,
Каждому — своя дорога,
Каждому — свой срок в горах.
Дни за днями — год прошел,
Солнечный восход пришел.
Вот и снова выйти замуж
Зулайке черед пришел.
Есть обычай повсеместный:
Коль остался младший брат,
Должен он вдову-невестку,
Возмужавши, в жены брать.
И в народе говорят,
«Пусть выходит»,— говорят,
«Сарткошчу джигитом вырос,
Он подходит»,— говорят.
А коль даст народ совет,

Женщина не скажет: «Нет».
Дело женское — терпение,
Прилежания обет.
Вырос Сарткошчу джигитом,
Сильным стал и знаменитым,
Он глядит на Зулайку
Взглядом жарким и открытым.
А красавице — как быть?
Бедной страннице — как быть?
Если он пригож собою,
Если нравится — как быть?..
Слову старших покорилась,
С Сарткошчу соединилась,
С прежней горестью своею,
С новой радостью смирилась.

Молдоджаш был с малолетства
Замечательным стрелком.
Коджоджашево наследство
Постепенно зрело в нём.
Ветку ивы он согнул,
Тетивою затянул,
И послушною стрелой
Цели достигал любой.

Лук и стрелы — Молдоджаш,
Ловкий, смелый — Молдоджаш.
До чего стрелок искусный,
И умелый — Молдоджаш!

Тронет лук — стрела поет,
В небесах её полет.
А прицелится — в монету
Издалёка попадёт.
И уже идёт кругом
Слава о стрелке лихом.
«Сын отца искусней будет»,—
Люди говорят о нём.
Вырос на отца похож,
Статью и лицом похож,
Люди говорят — разумен,

Люди говорят — пригож.
От него житья нет птицам,
Ястребам и ястребицам,
Воронам и воронятам,
Поднебесным всем пернатым,
Лук звенит, стрела поёт,
Отправляется в полёт
И крылатую добычу
С высоты она несёт.
Очень ловкая рука
У кытайского стрелка,
Принесла бы людям счастье
Эта лёгкая рука!
Как-то летнею порой
Мальчик шел глухой тропой,
И услышал на дороге
Чей-то разговор чужой.
Пять охотников пред ним
Едут к высям снеговым,
За плечами блещут ружья
Блеском ярким и стальным.
Молдоджаш им вслед бежит,
«Пять охотников!— кричит,—
Вы меня с собою в горы
Заберите!»— говорит.
Те, коней остановив,
Смотрят: возле старых ив,
На обочине дороги
Мальчик маленький стоит,
В чарыках истертых ноги,
На плечах — халат убогий,
В изумленье и в тревоге
Он во все глаза глядит,
«Подождите!»— говорит.
Пять охотников спросили:
«Ты в каком живёшь аиле,
Где родни твоей места,
Кто отец твой, сирота?»
Молдоджаш спешит с ответом:
«Я живу в аиле этом,
Тут родни моей места,
Я кытайский сирота.

Я стрелять уже умею,
Луком и стрелой владею,
Где бы птицы ни летели,
Всюду их достать сумею!
Коджоджаш—отец мой звался,
Но не видел я его,
С жизнью, говорят, расстался
До рожденья моего.
Мама вышла за другого,
У неё я сын один,
Без отца живет родного
Коджоджаша бедный сын.
Я не знал отца родного,
Не видал ружья стального,
И мечтаю я о том,
Чтоб владеть таким ружьем.
Я прошу вас: подождите,
В горы вы меня возьмите,
Из ружья стрелять стального
Сироту вы научите.»
Пять охотников молчали,
Коджоджаша вспоминали,
Много от его охоты
Выгоды они видали!..
И сказал один: «Не скроем,
Твой отец-то был героем,
Человеком был бесстрашным
И охотником отважным.
Мы в краю нагорном нашем
Все гордились Коджоджашем,
Он, стрелявший по архарам,
Бывший вихрем и пожаром,
Времени не тратил даром,
Вся в ружье его забота,
Кииков он бил без счёта,
И всегда одним ударом!

На горах ещё от века
Не бывало человека
Равного ему в стрельбе
И в охотничьей судьбе.
Был он добр, как и отважен,

Как придет с охоты, скажем,
Кто его поздравит, тот
Киика домой несёт.
Дичью, что на скалах бил он,
Весь окрестный люд кормил он,
На скале один он умер,
Трудный подвиг совершил он.»
Так охотник говорил,
Он на землю соскочил,
На своё седло с любовью
Молдоджаша посадил.
«Коджоджаш был жив, мой светик,
У него я был в долгу,
Смел ты и красив, мой светик,
И тебе я помогу.
Вырастешь, займешь по праву
Место своего отца,
Добрую заслужишь славу,
Сын, достойный храбреца.
Затаила мать тревогу
От тебя: ещё ты мал,
Вот и вышел на дорогу,
На дороге всё узнал».

... Те слова правдивы были:
Правду от него таили,
И не слышал мальчик вести
Ни о жизни, ни о смерти,
Ни о ремесле отца.
Потерявши храбреца,
Сына потерять боялась
Зулайка — и вот скрывалась,
Чтобы выбрал сын родной
Не отцовский путь, иной.
Только, правду что скрывать,
Сердцу, взгляду что скрывать?..
Коль пылинку правды скрою —
Вырастет она горою,
Встанет на твоём пути
И её не обойти!
Молдоджаш стоит в тревоге...
В снежном блеске гор отроги,

А за ними, невидим,
Чёрный камень Аблетим.
Чёрный камень, грозный камень,
Небосклона синий пламень,
Блеск нетающих снегов,
И отца последний зов.
Сын в смятенье, сын в волненье,
Говорит он в нетерпенье:
«Брат мой, за рассказ спасибо,
Свет коснулся глаз — спасибо.
Всё ещё раз повтори!
Много, много раз — спасибо!
Где и на какой земле
След отца лежит последний?
На какой погиб скале,
Как погиб отец мой бедный?..
Я всю землю обойду,
К той скале приду я в гости,
Богатырские найду
И землей укрою кости.
Повтори ещё, прошу!
Твой рассказ — мне подаянье.
Мать потом я расспрошу,
Выполню своё желанье.»
Вся душа в нём поднялась,
Вся душа отозвалась...
Сила в мальчике откуда
Богатырская взялась?..
Тот охотник добрым был,
Свой рассказ он повторил,
Все, что знал о Коджоджаше,
Сыну бедному открыл.
А охотники другие
Были хмурые и злые,
Закричали, зашумели:
«Что болтать-то в самом деле!
Не охотничий обычай
Мешкать в поле пред добычей.
Брось ты этого ребёнка,
Для чего в пути мальчонка?
Если он ружьё полюбит —
Как отец, себя погубит,

Если на скалу взойдет —
Как отец, на ней умрёт...
Не бери его с собою,
Пусть идёт своей тропою!»
Спутник им не отвечал,
Лишь коня быстрей погнал.
Звóнок дробный стук копыт,
Дует ветер, пыль пылит.
Пред глазами Молдоджаша
Вековых вершин гранит.

А меж гор с красой дремучей
Луг раскинулся цветущий,
Травы пахли, пел ручей...
Всадники сошли с коней,
Поручив их Молдоджашу,
Побрели тропой своей.

Молдоджаш сидит на камне,
Излучают горы жар.
Вдруг над белыми снегами
С золочеными рогами
И с точёными ногами
Появляется архар.
По горе подходит ближе,
С ним один детёныш рыжий.

Мальчик с них не сводит глаз —
Подстрелить бы их сейчас!..

За охотником бежит он,
Запыхавшись, говорит он:
«Брат, архары там пришли,
Поскорей их подстрели!
Вот бы мы таких архаров
С гор народу привезли!»
И охотник отвечает:
«Кто заметит—тот стреляет.
Глаз прищурь, курок нажми,
Может, и убьешь — кто знает!»

Сердце услыхав свое,
Молдоджаш схватил ружье,
Глаз прищурил, взвел курок,
Приготовился стрелок,
Выстрелил... И сорвались
Сразу два архара вниз!
Первый выстрел, сладкий звук,
Верность глаза, твердость рук —
Славный сын у Коджоджаша,
Смелый сын, хороший друг!
Он к архарам подбегает,
Их прирезав, поднимает.
Раскрасневшись от удачи,
Юное лицо сияет.
Радуясь его ударам,
Говорит охотник с жаром:
«Ну, теперь твое прозванье,
Молдоджаш — гроза архарам».

Мясо дружно разделили
И на лошадь погрузили,
И других не дожидаясь,
В путь обратный поспешили.
Два охотника, один —
Коджоджаша юный сын.
И другой — седой стрелок,
Дружбы выполнивший долг.
На тропе остановились,
Обнялись и распростились.
И глядел стрелок седой,
Как уходит молодой.

Шел он, выпрямивши спину,
К небу голову закинув,
Над плечом рога торчали,
Вдалеке они сверкали
Словно месяц меднорогий,
Наклонившийся к дороге.
Ой-ей-ей! Эй-ей-эй!
Молдоджаш идет!

Долы-горы высоки,
Их просторы широки.
Не шаги ли Коджоджаша
Снова слышны у реки?

Много троп, дорог в горах,
Много гроз, тревог в горах,
Каждому — своя дорога,
Каждому — свой срок в горах.

ПЕСНЯ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

О том, как пришел Молдоджаш в юрту Зулайки и услышал ее рассказ о своем отце

Ночь повисла над землей
Непроглядной синей мглой,
Ни одной души не видно.
И не слышно ни одной.

Но в одной горит юрте
Свет неяркий в темноте.
Зулайка заснуть не может
В беспокойной немоте.

Вдруг шаги! Затихли, снова!
Сын в юрту вошел сурово,
Положил пред ней архара
И ушел, не бросив слова.
Зулайка была умна
И рещимости полна,
Поняла его молчанье,
Бросилась за ним она.

Возле юрты сын лежит
И молчит, как будто спит...
Горемычного жалея,
Плачет мать и говорит:

«Ты куда ходил, мой милый?
Почему пришел унылый?
Как сумел убить архара
С неокрепшей детской силой?
Встань, ответь, мой золотой,
Не лежи здесь сиротой.

Без отца, один живешь ты,
Помощь где себе найдешь ты?
Сердце матери молчаньем,
Как горячим углем жжешь ты!
Не лежи ты здесь один,
Заходи в юрту, мой сын.

Иль какой-нибудь крылатый
Клювом сына полоснул?
Иль какой-нибудь рогатый
Невзначай его боднул?
Что случилось? Что молчишь?
Почему один лежишь?

Встань, мой резвый жеребенок,
Встань, мой белый верблюжонок,
Не подросший, не окрепший,
Мой единственный ребенок.»
Сын пред Зулайкою встал,
Слово строгое сказал:
«Нет,— сказал он,— не крылатый,
Нет,— сказал он,— не рогатый,
Кровь отца заговорила,
Требует она расплаты.
Мать, глаза твои печальны,
От меня скрывают тайны.
Вести я в пути услышал,
И они необычайны.
Луком и стрелой владею,

С неба птиц сбивать умею,
Про отца спросить родного.
Что ж я права не имею?..
За любовь мою в награду
Об отце скажи мне правду.
Где он умер? Как он умер?
Сердцу все открой и взгляду.
Почему ты все скрывала,
Про отца не рассказала?
Иль и так мне мало горя,
Моего сиротства мало?..
Кем отец мой был — скажи мне,
Кто его сгубил — скажи мне,
Почему ушел он в горы,
Если нас любил — скажи мне.
Все скажи, я не отстану,
Лучше смолоду умру я,
С места этого не встану,
С горя, с голоду умру я!»
Зулайка удивлена
И напугана она.
(Пусть бы кровью захлебнулся
Рот бродяги болтуна!)
Сыну кто и что сказал?
Сын неопытен и мал,
Коль отца пойдет искать он,
Сам погибнет среди скал!
Говорит она уныло:
«Светик мой, тебя любя,
Потому беду таила,
Что боялась за тебя.
Мал ты словно вороненок,
А летишь — не удержать.
Если пропадет ребенок,
Пропадет от горя мать.
Слушай, свет единый глаз,
Об отце твоем рассказ:

Был отважен Коджоджаш,
В гневе страшен Коджоджаш,
Знаменитый наш охотник,
Был бесстрашен Коджоджаш.

Всех сильней хотел он быть,
Всех смелей хотел он быть,
Никому на целом свете
Не хотел он уступить.

Долы-горы высоки,
Их просторы широки,
И коза ему попалась
По прозванью Сур-эчки.

Тонкорога Сур-эчки,
Быстронога Сур-эчки,
По вершинам Ала-Тоо
Путь-дорога Сур-эчки.

Силы против силы встали,
Не боясь могилы, встали,
Клятвой крепкой обменялись,
Клятву крепкую сдержали.
И помчались эти двое,
Коджоджаш с козой седою,
По горам и по долинам,
По обрывистым стремнинам.
Землю всю они прошли,
Больше не было земли!

И над черною скалою,
Между небом и землею,
Кончил свой короткий век
Непокорный человек.
Там на камне нелюдимом
Что зовется Аблетимом,
Под снегами, под дождями,
Под ветрами, под лучами —
Все, что от него осталось...
Сколько горя мне досталось!
Сколько слез я проливала,
Как с охоты ожидала;
Сколько силы потеряла,
Как его в горах искала;
Сколько горя испытала,

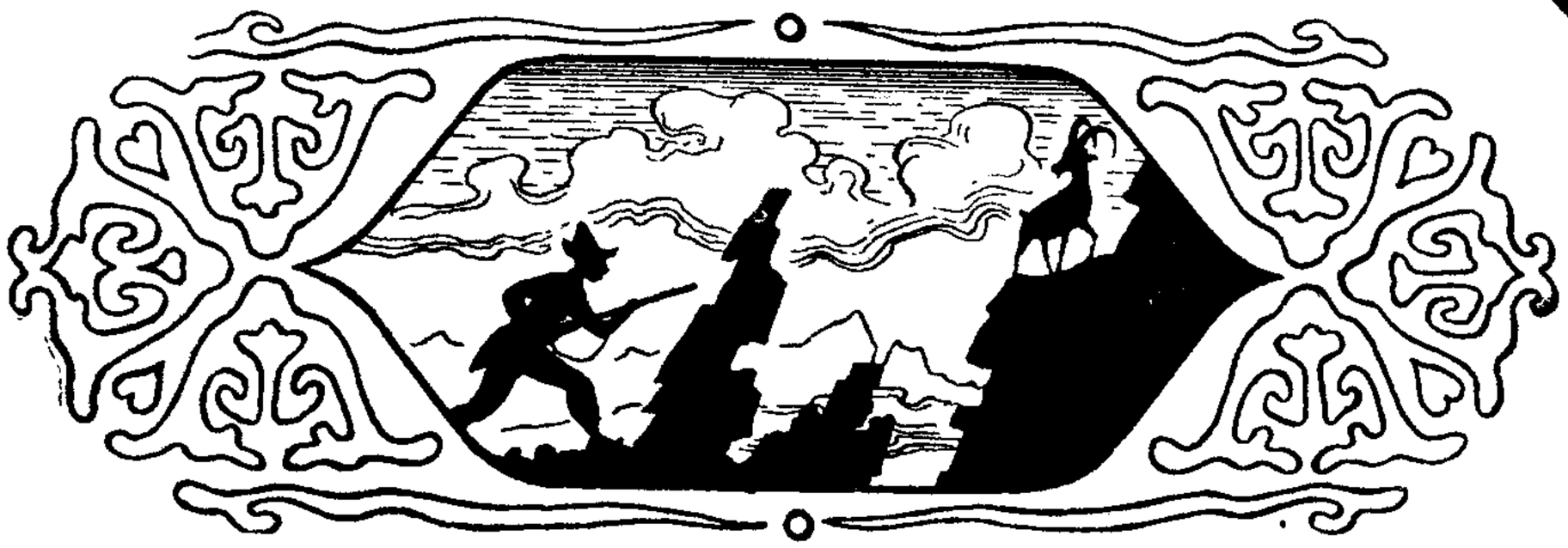
Когда смерть его видала!
Смолоду вдовою стала,
Сына без отца рожала,
И в слезах его качала,
Горе горькое скрывала!..
Мал ты, словно вороненок,
Мой единственный ребенок,
А какая в мире мать
Сына будет- огорчать?..
Коль охотник человек —
У него короток век.
Выслушав рассказ мой горький,
Не забудь его вовек.
Кто охотой хочет жить,
Должен кровь живую лить...
Запах крови сладковатый
Я не в силах позабыть!..

Памятка от Коджоджаша,
Мой единственный сынок,
Гордость и надежда наша,
Будь душою ты высок.
Не ходи ты в эти горы,
В одичалые просторы,
Ты охотой не живи,
Не печаль моей любви!
Как я по горам шагала,
Как я горестно кричала:
Коджоджаш, остановись,
Коджоджаш, оборотись!
Он же не остановился,
В свой аил не воротился,
Сам разбился, и железный
Акбаран его разбился!
Под скалою я блуждала,
Камешки перебирала,
С шило лишь величиною
Я осколок отыскала.
О тебе отец твой знал,
Сам тебе он имя дал,
«Сын родится — Молдоджашем
Назови его»,— сказал.

О, не уходи, постой,
Молдоджаш, сыночек мой,
Подрасти еще, окрепни,
Труден путь к вершине той.
Повзрослеешь, подрастешь,
Вот тогда уж и пойдешь,
Новое ружье в дорогу—
Алмабаш с собой возьмешь.
В сундуке его держала
И для сына сохраняла,
Я к стволу от Акбарана
Тот осколок припаяла.
Молдоджаш, ребенок мой,
Жеребенок золотой,
Поживи еще со мною,
Не ходи к вершине той.
Честь ты смолоду люби,
Но с плеча ты не руби,
Жизнь свою по неразумью
С малолетства не губи!»
С места вставший Молдоджаш,
Все узнавший Молдоджаш,
Мать за плечи обнимает
Возмужавший Молдоджаш:
«Принеси-ка мне ружье,
Береженое твое.
Стар иль молод я — придется
Счастье испытать свое.

Мама, белым молоком
Выкормила ты меня,
И без промаха стрелком
Вырастила ты меня.
Материнскую любовь
Оправдаю как-нибудь.
Но вскипает в сердце кровь
И зовет в опасный путь.
Мама, мы вдвоем с тобой
Это дело не решим.
Соберем народ родной,
Посоветуемся с ним.»
К сыну Зулайка нагнулась,

Строг он, статен и пригож,
И сквозь слезы улыбнулась:
Вырос, на отца похож.
«Ты,— сказала,— всех умней,
Делать что — тебе видней,
Чтоб ни делал ты — с тобою
Сердце матери твоей».
Долы-горы высоки,
Их просторы широки,
Горный гул в долине слышен,
Посвист ветра, шум реки.

ПЕСНЯ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Молдоджаш советуется с народом, получает от Зулайки ружье Алмабаш и уходит на поиски скалы Аблетим

Маками поросший склон
Летним солнцем освещен,
Молдоджаш пришел к народу,
С ним советуется он:
«Земляки мои родные,
Старцы мудрые, седые,
Братья старшие и сестры
И джигиты молодые!

Добрый свой совет скажите,
В путь идти иль нет — скажите,
Как найти отцовы кости,
Где мергена след — скажите.

Можно ли на свете жить,
Можно ли киргизом быть,
Если прах отца покинуть,

Долг сыновний позабыть?»
Слушает народ, молчит,
Думает народ, молчит.
...Вырос юноша джигитом,
Верно говорит джигит!
Продолжает Молдоджаш:
«В черных скалах — Коджоджаш,
Кто ж его отыщет кости,
Если не сиротка ваш?
Под снегами, под дождями,
Под палящими лучами
Сохнут, мокнут эти кости,
Поджидают сына в гости.
С жизнью Коджоджаш расстался,
Но на свете сын остался.
Долг свой выполнить сыновний
Кто из вас бы отказался?..
Прав я в этом или нет?»
«Прав»,— сказал народ в ответ.
«Дедушка ты мой седой,
Я один — твой внук родной,
Отпусти меня в дорогу,
В путь к скале высокой той.
Кости я отца сложу,
Белой глиной обложу,
Чистым саваном закрою
И под землю положу.
Прав иль нет я?— Отвечай!»
«Прав»,— промолвил Карыпбай.
«Сартошчу, кормилец мой,
Добрый мой отец второй,
Коль не я пойду, так кто же
Выдержит подъем крутой?
Коль не я, так кто пойдет?..»
«Ты пойдешь»,— ответил тот.
«Матушка моя родная,
Пред людьми прошу тебя я:
За настойчивость прости,
В путь-дорогу отпусти!
Должен верный сын отца
Быть достойным храбреца,
Должен храбростью и силой

Радовать людей сердца.
Дай мне, матушка, ответ:
Прав я в этом или нет?»
Губы Зулайки молчали,
А глаза ее—в печали
К юноше обращены—
Были горьких слез полны.
Думала она: «О горе!
Он уйдет, уйдет он вскоре...
Ах, зачем я рассказала
Мальчику о старом споре,
О крутой скале безвестной,
О седой козе чудесной?..
Коджоджаша как найдет он?
По дороге пропадет он!
Он уйдет в глухие горы —
Я лишусь своей опоры,
Радости моей лишусь я,
Света жизни всей лишусь я!»
Губы Зулайки молчат,
Слезы сыплются, как град.

На нее глядят: бедняга,
Люди говорят: бедняга,
Сарткошчу стадами занят,
В сторону не ступит шага.
Кто рожден—богатырем,
Кто рожден — любить свой дом,
Зулайке-то помогает
Саркошчу своим трудом!
Тяжко мужа потерять;
Тяжко сына отправлять,
Вот и стонет, как голубка,
У гнезда родного мать.
Молдоджаш-то вон каков!—
Справедлив он и суров,
Он проворней Коджоджаша
И стремительней орлов.

Он в пути не пропадет,
Ала-Тоо обойдет,
Коль сказал, так слово сдержит,

Кости странника найдет.
Если он сказал: «Пройду
Все темнеющие горы»,
Если он сказал: «Пройду
Все сверкающие горы»,—
Выполнит свое желанье,
Выполнит свое мечтанье!
Путь счастливый сироте
К недоступной высоте!
«Зулайка, смири тревогу,
Сына собирай в дорогу,
Отправляйся, Молдоджаш.
Возвращайся, светик наш!»—
Так народ ему сказал,
Так благословенье дал.
И ружье из-под платка
Тут достала Зулайка
Под названьем Алмабаш,
Что когда-то Коджоджаш
Получил за меткость в дар
В солнечной стране Кашгар.
И запаян в ствол резной
Был осколочек стальной
От ружья, что в смертный час
Сбросил Коджоджаш для нас.
Долы-горы высоки,
Их просторы широки.
Радость в сердце Молдоджаша.
Горе в сердце Зулайки.
И счастливый Молдоджаш,
Покрасневши горячо,
Перекинул Алмабаш
На могучее плечо.
Позади — лугов простор,
Впереди — громады гор,
Он тропу свою отыщет
И решит он смертный спор.
Провожая в путь сынка,
Молвит слово Зулайка:

«Жеребенок, добрый путь,
Верблюжонок, добрый путь,

Дальнозоркий, белокрылый
Соколенок, добрый путь.

Радость глаз моих, прощай,
Сладость уст моих, прощай,
Счастлив и благополучен
Воротись в родимый край!

Грудью я тебя кормила,
На руках тебя носила,
На ноги тебя поставив,
За́ руку тебя водила.
Перья филинов цветные
Я на шапку прицепляла,
Лакомства тебе любые,
Сладости приготовляла,
Сын ты чей — сказать учила,
Свет очей твоих любила...
А взрастила — в путь далекий
Соколенка проводила.

Над рекою рек Чаткалом,
Где привольно диким скалам,
Есть вершина Аблетим
С блеском черным ледяным.
Не ходи к горам другим,
Путь держи на Аблетим,
Добрый путь!» И, распрощавшись,
Он пошел путем своим.
Тяжела ль тропа, легка ль,
Нас она уводит вдаль...
Мать вослед любимцу смотрит,
На лице ее печаль.

Разомкнула рук кольцо,
Материнских рук кольцо,
Сына отпустив, склонила
Побледневшее лицо.
Долы-горы высоки,
Их просторы широки.
Вновь звучат над Ала-Тоо
Богатырские шаги.

ПЕСНЯ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

О том, как странствовал Молдоджаш и услышал голос горы Мискин

Гулко дышит сердце гор,
Жаром пышет сердце гор,
Тайной древней овладеет —
Кто услышит сердце гор.
По скалистым горным скатам,
По кремнистым перекатам,
По искристым водопадам,
По обрывистым громадам,
По лесам под листопадом,
По снегам под снегопадом —
Шел веселый Молдоджаш
Шагом легким и крылатым.
Перед ним вставали горы
С ярко-белыми снегами,
И цвели лугов просторы
Разноцветными цветами.
По лугам шел сирота,

В путь вела его мечта
К Аблетиму, на восток,
Был красив он, как цветок.
Птицы вслед за ним летели
Крыльями над ним шумели,
Не боялись Молдоджаша,
Думали: порода наша.
Как крылатый, он взлетал
И следов не оставлял.
Шел по свету без дороги,
Быстроглазый, быстроногий,
По долам-низинам шел,
По горам-вершинам шел,
По сырым теснинам шел,
По речным стремнинам шел,
По обветренной земле
К черной сказочной скале.

И просил он птиц летящих,
В небе солнечном скользящих:
«Птицы, птицы, помогите,
Где отец мой, расскажите!»
Горных он просил архаров,
Круторогих и поджарых:
«Где тут Аблетим, скажите,
Путь-дорогу покажите!»
Через реки, через горы,
Через снежные заторы,
По камням блестящим, гладким,
По замшелым горным складкам,
По ущельям с ручейками,
По пещерам с родниками
Шел, следов не оставляя,
От ходьбы не уставая,
С каждым шагом вырастая,
С каждым часом больше силы
Солнечной в себя вбирая.
Все подлунные места
Обошел наш сирота.
Шел и думал он: «Какая
Сур-эчки седая та?
Вот ее найти бы,— думал.

Встретить на пути бы,— думал.
От меня коза хромая
Не могла уйти бы,— думал.
В той козе какая сила?
Как она отца сманила?
Колдовством или обманом
Человека погубила?
Кровь за кровь! — ей закричу я,
И за хвост ее схвачу я,
Сур-эчки служить заставлю
Людям, если захочу я.»
Так он шел по козьим тропкам,
Козы мимо пробегали,
Не боялись, глазом кротким
Молдоджаша провожали.
Уж таким он был на свете,
«Быстр, как ветер!» — скажет ветер,
«Он крылатый»,— скажет птица,
«Зоркий»,— скажет ястребица.
Козы скажут: «Быстроногий»,
А архары: «Златорогий»,
Он живет с живым в согласье,
В радости живет и в счастье.
И однажды ночью темной
Бедный сирота бездомный,
Коджоджаша верный сын,
Подошел к горе Мискин.

Та гора была остра,
Та гора была сера,
Будто бы из серебра
Серого была гора.
Камни серые блистали,
Лунным светом отливали.
Молдоджаш развел костер—
И заснул он на привале.
Все темнее темнота,
Спит бездомный сирота,
Спит и слышит: оживает
Каменная высота,
Постепенно открывает
Серая гора уста.

Рот свой каменный открыла
Серая гора Мискин,
По-людски заговорила
Добрая гора Мискин:

«Горным глазом вижу я,
Горным ухом слышу я —
Пусть у всех отцов такие
Остаются сыновья!

Обошел ты, сирота,
Все подлунные места,
Срок настал — осуществится
Добрая твоя мечта.

Завтра встанешь и пойдешь,
Серую козу найдешь,
На вершину Аблетима
За собою поведешь».
Спит наш юноша — не спит,
Не поймет, кто говорит,
Эхо горное иль голос
В темно-серой тьме звучит:

«Спи спокойно, сирота,
И трудна жизнь, и проста.
Если сердце гор услышишь—
Сбудется твоя мечта.

Коджоджаша бедный сын,
Пред тобой, гора Мискин,
Тигры бродят здесь, медведи,
Из людей — лишь ты один.

Много коз у нас в горах,
И средь них — коза одна,
Всем внушающая страх.
Кайберен-коза — она.

Та коварная коза,
Кровожадная коза,

Погубила Коджоджаша
Беспощадная коза.

Различи ее повадки,
Разучи ее загадки,
Как увидишь — мчись за нею
Без опаски, без оглядки.

Сединой коза блестит,
Желтизной коза сквозит,
И огнем, и дымом вместе
Над землей коза летит.

Ты удачлив и силен,
Горным солнцем закален,
Ей не справиться с тобою,
Потому что ты смышлен!
Горным глазом вижу я,
Горным ухом слышу я.
Кайберена победишь ты,
Сбудется мечта твоя!»
Небо спит, и месяц спит.
Тихо юноша лежит...
А гора по-человечьи
С человеком говорит.
Было, нет ли—кто слыхал?
Было, нет ли — кто видал?
Кто один в ночную пору
На горе Мискин бывал?..
Громко дышит сердце гор,
Жаром пышет сердце гор,
Древней тайной овладеет —
Кто услышит сердце гор.

ПЕСНЯ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Встреча Молдоджаша с серою козою, длинная дорога по крутым горам

Песня, свет моих ты глаз,
Сердца моего алмаз,
Продолжай про Молдоджаша
И про Сур-эчки рассказ.
В час восхода золотой
Он проснулся сам не свой,
С удивленьем вспоминает
Странный разговор ночной.

«Что со мной такое было?
Было ль, не было — уплыло,
Встало солнце над горами
И дорогу осветило.
Что ж,— сказал он,—в путь пойду.
Расправляя грудь, пойду.
Что-нибудь в пути увижу
И кого-нибудь найду».
Он поднялся, потянулся,

И к востоку повернулся,
И горе Мискин суровой
На прощанье улыбнулся.

Шел и шел он краем скал,
Вдалеке шумел обвал.
Шел и слышанного ночью
Юноша не забывал.
Утром хорошо в горах,
Свет играет на камнях.
Разноцветные сверкают
Камни в солнечных лучах.

На кремнистый перевал
Смелый юноша взбежал,
Огляделся—и на склоне
Козье стадо увидал.
Больше сотни коз рогатых,
Бородатых и лохматых.
Перед юношей метнулись,
Как обрывки туч косматых.
Смотрит он во все глаза —
Среди них ли та коза,
Та обидчица лихая,
Та седая егоза?
Бродят козы у реки,
Щиплют травы и цветки.
Смотрит юноша прилежно,
Среди них ли Сур-эчки?
Как узнать ее повадки,
Разгадать её загадки?..
Козы от него пустились
По откосу без оглядки.
И одна из серых коз,
Что пустились под откос,
Обернулась на мгновенье,
Злобен взгляд ее и кос.
Словно жемчуг, шерсть шуршит,
Дымным пламенем клубит.
Юношу коза узнала,
Взбрыкивает и бежит.
Молдоджаш узнал — она!

Сам себе сказал: «Она,
Подлая коза попалась,
А попалась — не страшна!
Как бы мне ее догнать?
Как бы мне ее поймать?
Как бы ей на растерзанье
Жизни юной не отдать?..

Ты, отец мой, помоги
Слышу я твои шаги,
Рад ты будешь, хоть и умер,
Получить с козы долги!..»
Был в то утро не один
Коджоджаша верный сын
Пред козой, отца убившей,
Поднялась гора Мискин.
С песнею о человеке
Перед ней взметнулись реки.
Голову пригнув, скакала
Сур-эчки в поспешном беге.

Силы Молдоджаш набрался,
За козою он погнался,
Этот юноша крылатый
По горам, как ветер, мчался.
Сур-эчки, как туча, мчалась,
Гор копытом не касалась,
Шерсть ее клубилась дымом,
Дымным пламенем взвивалась.
Пробежалась, запыхалась
И изрядно растерялась:
«Коджоджаш не сгинул, видно,
Памятка его осталась!
Сын сильней отца в погоне,
Коль погонится — догонит,
Нет мне на земле покоя,
Не спасусь на горном склоне!»

Потому и растерялась,
Потому и запыхалась,
Что отца быстрее в беге
Молдоджаш был, оказалось.

Привидением рогатым,
Навожденьем бородатым
Прянула коза, как будто
Вниз сейчас скользнет по скатам.
Молдоджаш стоит, смекая,
Хитрость козью понимая:
Вниз показывает—значит
Вверх пойдет коза седая.
Он сторонкой, понемногу
Преграждает ей дорогу
И от стада отделяет
Эту злую недотрогу.
По крутой горе бежит он,
Хватким соколом спешит он.
Ой, спасибо Молдоджашу,
Кайберену отомстит он!
Сур-эчки хитра была,
Сур-эчки мудра была,
Сразу поняла, что плохи
Стали у нее дела.

Отделясь от стада, шла,
Ничему не рада, шла,
Мстителя за кровь родную
За собой она вела.
Молдоджаш козе вослед
Ночь идет, и день идет,
Сур-эчки спасенья нет.
Он за ней, как тень, идет.
«Я сейчас тебя схвачу,—
Издалека он твердит,—
Изловлю и проучу,
Да жестоко!»— он твердит.

«Где отец мой Коджоджаш?
Иль забыла, погубя?
Сын его я — Молдоджаш,
Я за кровь спрошу с тебя!»
Оглянется Сур-эчки,
Ужаснется Сур-эчки
И бежит, потупив взгляд,
Чтоб не поглядеть назад.

Тигром Молдоджаш идет.
Барсом Молдоджаш идет,
Грозный, как голодный лев,
Ярость он в груди несет.
Исхудала Сур-эчки,
Отощала Сур-эчки.
Все надежды на спасенье
Растеряла Сур-эчки.

Постаревшая коза,
Одряхлевшая коза
Спрятаться куда, не знала,
Не могла поднять глаза.
Все сильнее Молдоджаш,
Все смелее Молдоджаш,
С каждым днем шагал свободней,
Веселее Молдоджаш.
Если б Сур-эчки могла,
То глаза бы подняла,
Скрылась бы от Молдоджаша,
Норку темную б нашла!
Словно беркут пяти лет,
Юноша летел ей вслед.
Нет козе злосчастной жизни
И пути ей больше нет.
Осыпь черная камней —
Двое двинулись по ней.
Молдоджаш, как пестрый ястреб,
Над добычею своей.
Осыпь красная камней —
Двое двинулись по ней.
Молдоджаш, как белый сокол,
Над добычею своей.
И коза проговорила:
«Жизни я себя лишила!
Где же сила Кайберена,
Чудодейственная сила?
На вершину не взберусь
И в низину не спущусь.
Неужели же мальчишке
Этому я подчинюсь?
Коджоджаш ведь был силен,

В быстром беге закален,
Но крылатому такому
Уступил бы даже он.
Я столкнулась с быстроногим,
Пролетающим, как дым.
Как лисица, легконогим,
И, как утро, молодым —
Что мне делать?..» А крылатый—
Смерч он или человек?—
За козой стремит косматой
Свой неудержимый бег.
За плечом его блестит
Белоствольный Алмабаш,
И почтительно хранит
Дальнобойный Алмабаш
Ту железку Коджоджаша,
Тот привет издалека,
Что к стволу для Молдоджаша
Припаяла Зулайка.

Горемычный сирота,
Этот черный вороненок,
Этот белый верблюжонок,
Златогривый жеребенок.
Обошел он неспроста
Все подлунные места.
По скалистым седловинам,
Белым снеговым вершинам,
Синим теневым теснинам,
Желтым солнечным стремнинам,
По кустарникам и рощам,
Обнаженным горным толщам,
По горам непроходимым,
Необжитым, нелюдимым
Мчался юноша крылатый
За козою бородатой.
По прямой бежал, по кругу,
По ущелью Минг-бугу,
Где по скалам в день весенний,
Бродит тысяча оленей,
По лесам Чат-карагая,
Где растет сосна густая,

По уступам Айры-беля,
Что под солнцем розовели.
По горам Сары-кунгея,
Что тигриных шкур желтее.
Ат-ойноком и Конгуром,
Каракыром и Тереком.
По нагорьям голым бурым,
По иссохшим горным рекам,
По Бешколу и Чинару,
Где не пробежать архару,
Мчался мститель молодой
За злосчастною козой!

С ярким взглядом, с сердцем жарким
Долы-горы обошел,
Несчастливого подарком,
Сиротою в мир пришел.
Песня, свет моих ты глаз,
Сердца моего алмаз,
Продолжай про Молдоджаша
И про Сур-эчки рассказ.
Был прекрасен Молдоджаш,
Сердцем ясен Молдоджаш,
И для нечисти поганой
Был опасен Молдоджаш.

Сур-экчи хитра была
И в своем коварстве зла,
Всё беды́ чужой искала,
Горестью чужой жила.

Сила добрая и злая,
Юноша и тварь седая —
Повстречались и схватились,
Над землею пролетая.

Кто же в схватке победит,
В мертвой хватке устоит,
На земле свои законы
И порядки утвердит?..
Кто имеет уши — слышит,

Кто глаза имеет — видит,
Кто имеет разум — тот,
Как борьба трудна, поймёт!
Притомилась Сур-эчки,
К небу подняла зрачки...
В розовом вечернем свете
Гор сверкали ледники.
Над нетающими льдами
Возвышался черный камень.
Неприступен, нелюдим
Черный камень Аблетим.

Думает коза седая:
«Коджоджаша завела я
На отвесный камень тот —
За отцом и сын взойдет,
В беспощадной козьей мести
Их я там оставлю вместе.
Заманю его на камень,
Запугаю облаками
И оставлю в вышине
На смертельной крутизне!»
Это Сур-эчки решила,
Бородою покрутила.
И по гребню Ири-кола
К Аблетиму припустила.
Неприступен, недвижим
Черный камень Аблетим...
Что же будет с Молдоджашем.
Что теперь случится с ним?..

ПЕСНЯ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

О том, как поймал Молдоджаш Сур-эчки и завел ее на аблетимский камень

Меж отвесных голых скал
День и ночь шумит Чаткал,
Разбивается о камни,
Пенится сердитый вал.
И гора Кетмень-Тюбе
С красным солнцем на горбе
Наклоняется к потоку,
Как верблюд устав в ходьбе.
А напротив Аблетим,
Черный с блеском ледяным.
Упирается он в небо
Черным острием своим.

Под потоком, под скалою
Показались эти двое —
Юноша и тварь седая
С поредевшей бородою.

Песня складная, пропой
О исходе схватки той,

О победе человека
Над недоброю козой.

Сур-эчки хитра была,
Чуть прихрамывая шла,
Молдоджаша на вершину
Аблетимскую вела.
Молдоджаш хитрее был,
Молдоджаш умнее был,
Разгадал ее затею.
К ней рванулся, что есть сил,
Руку протянул — поймал,
Хвост на руку намотал,
Кушаком ременным с пряжкой
Козью шею обвязал!
«А, попалась Сур-эчки,
Испугалась Сур-эчки,
Слабой перед человеком
Оказалась Сур-эчки!
Молдоджаш перед тобой,
Бедный юноша простой,
Отомстить за Коджоджаша
Я пришел тропой крутой.
Я покинул мать в слезах,
Каракол родной в цветах,
Об отце погибшем помня,
Отыскать пришел я прах.
Говорили земляки:
Есть на свете Сур-эчки...
Отыщи мне Коджоджаша,
Долг исполнить помоги!»
Сур-эчки была хитра,
И коварна, и мудра —
Тоже ведь детей имела,
К ним была она добра.
Широко открытым глазом
Поглядела Сур-эчки,
Глазом круглым, как алмазом,
Заблестела Сур-эчки.
И дала себя за шею
Молдоджашу привязать.
И сказала: «Не посмею

В этой просьбе отказать.
Вот пред нами, в синем дыме,
Аблетимские края.
Пусть у всех отцов такими
Подрастают сыновья!
Коль борьба напрасна наша,
На твоем я поводу —
Эрбатыра Молдоджаша
К Аблетиму поведу!»

Гулко дышит сердце гор,
Жаром пышет сердце гор.
Древней тайной овладеет,
Кто услышит сердце гор.
Стукнула коза копытом,
Как из золота отлитым,—
Дым исчез, и черный камень
Аблетимский стал открытым.

И пошли тропой прямою
Над потоком эти двое —
Два врага или два друга? —
Молдоджаш с козой седою.

На хребтине перевала
Хрипло Сур-эчки дышала,
Вперевалку, вперескочку
По камням она скакала.

По камням она скакала,
Глаз с батыра не спускала.
Может быть, она надежды
На спасенье не теряла?..

У лугов Кен-карагая
С ароматом травяным,
Черным зеркалом блистая,
Поднимался Аблетим.
И коза сказала сыну:
«Вот скала та, наконец,
Здесь взобрался на вершину,
Здесь и умер ваш отец».

И томимый сожаленьем,
И гонимый нетерпеньем,
Юноша идет по камню,
Как по пастбищам весенним.
Влез на аблетимский склон.
Без труда и страха он,
И воскликнул на вершине:
«Что такое — явь иль сон?
Эта ль самая скала
Неприступною была?..
Стала смертью Коджоджаша
Эта ль самая скала?..
Был охотником он смелым,
Жил и умер он в пути —
Как же это не сумел он
С камня этого сойти?..
Камень этот колдовской,
Лишь с юрту величиной,
Лошадь на него заедет,
Человек взойдет любой!
Ах, отец мой дорогой,
Богатырь несчастный мой,
Ты погиб, а сын смеется
Над скалой и над козой!
Ты ль — та самая скала?
Ты ль — та самая коза?..
Вот один я перед вами,
Посмотрите мне в глаза!»

Белым ястребом летал он,
Порываясь к облакам,
Горным козликом скакал он
По обрывистым камням.
Сур-эчки глядит, дивится —
А ее не удивишь! —
Человек он или птица,
Иль летучая он мышь?..
Кости белые лежали
В углубленьях голых скал,
Молдоджаша кости ждали,
По одной он их собрал,
Белой глины замесил,

Кости все соединил,
Обернул их в белый саван
И в слезах похоронил.
Спи спокойно, Коджоджаш,
Спи, охотник гордый наш —
Все, что ты желал, исполнил
Верный сын твой Молдоджаш.
Несчастливого подарком
На земле остался он,
С богатырским сердцем жарким
Он для счастья был рожден.
Много троп, дорог в горах,
Много гроз, тревог в горах,
Каждому — своя дорога,
Каждому — свой срок в горах.

ПЕСНЯ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

О том, как пришел Молдоджаш в гости к Сур-эчки и увидел сказочную девушку. Аш-айран

Жизнь прекрасна и трудна,
Превращеньями полна.
То одна открыта людям,
То другая сторона.
Грозным был и колдовским
Черный камень Аблетим,
А пред юным Молдоджашем
Оказался он простым.
Зло глядела Сур-эчки,
Сесть хотела Сур-эчки,
А пред юным Молдоджашем
Присмирела Сур-эчки.
На вершине он стоит,
Ей с презреньем говорит:
«Эх ты, сивая коза,
Несчастливая коза,
Опозорилась под старость
Ты, блудливая коза!

Я тебя на поводу
В свой аил родной сведу,
Голову тебе отрежу,
Мясо — людям на еду.

Людям я скажу: «Вставайте
И молитву прочитайте,
На поминках Коджоджаша
Серую козу съедайте!

Дед мой — старый Карыпбай,
Как его ты огорчила!—
Сына в свой далекий край
Заманила и сгубила!..
Ну, обидчица, пойдем,
Злая хищница, пойдем!
Разделю твои я кости
И сварю в котле моем.»
Поднимает Сур-эчки
Потемневшие зрачки.
«Чтоб ты ни сказал — согласна!—
Отвечает Сур-эчки,—
Только кровь — тебе зачем?
Горе вновь — тебе зачем?..
Окажи ты уваженье
И любовь рогатым всем.

Голова моя, она
Для чего тебе нужна?..

Мать рогатая твоя,
Мать живущих Кайберен,
Подружусь с тобою я,
Подружись со мной взáмен.

В мой аил со мной пойдем,
В козьей юрте поживем,
И красавицу из сказки
В жены юноше найдем.

Голова моя, она
Для чего тебе нужна?..

Вместо головы козлиной
Будет у тебя жена.

Златокудра Аш-айран,
Словно утро Аш-айран,
Сур-эчки меньшая дочка,
Смотрит мудро Аш-айран.
Просьбу выполнишь мою —
Я тебя благословлю,
Из копытца Кайберена
Молоком я напою!

И пойдет по всем дорогам,
По горам и по отрогам
Сказ о юноше одном,
Кайберенов победившем,
И аил их посетившем,
И жену себе добывшем
В сказочном аиле том.

Как решишь — тому и быть,
Как велишь — тому и быть.
Я за зло свое готова
В чем угодно услужить!»
Долы-горы высоки,
Их просторы широки,
Вот и пригласила в гости
Молдоджаша Сур-эчки.
Порешили и пошли,
И в неведомой дали,
На невиданной вершине
Сказочный дворец нашли.
Был дворец тот потайной,
Белый, желтый, голубой,
Схож с киргизскою юртой
Или с круглою горой.
Горной мятой пахло в нем
И травою луговой,
Вместо очага горел
Солнца слиток золотой,
Вместо чайника звенел
Родничок с водой живой.

На полу лежал ковер,
Шелковистый, травяной,
И подушки из цветов
Восхищали пестротой.
Радугой был освещен
Сказочный дворец цветной.
И сказала Сур-эчки
С уваженьем: «Вот мой дом,
У горы и у реки
В этом доме мы живем,
Козьи шкуры носим мы
И на козьих шкурах спим...
Заходите, просим мы,
Чем богаты — угостим!»
И с пришельцем на свиданье,
На козлиное собранье
Собирались к Сур-эчки
Родичи и земляки.
Были вежливы, милы
И козлихи, и козлы,
Бородаты и рогаты,
И на слово скуповаты.
Их красивые халаты
То черны, то сероваты,
То белы, то желтоваты —
Все из шерсти, не из ваты.
Молдоджаш сидит смущен,
Происшедшим удивлен,
За диковинным народом
Молча наблюдает он.
Козьи важные старухи,
Как и подобает,— глухи.
Молодушки — хохотушки,
Щеголихи и вертушки,
Только «бе» да только «ме»
У болтушек на уме.
Козьи девушки пугливы,
Молчаливы и смешливы,
Фыркают они в листочек,
Словно в шелковый платочек,
И блестит их томный глаз,
Как мерцающий топаз.

Молдоджаша привечали,
«Джездеке* наш»,—величали,
По киргизскому обряду,
С поговорками щипали,
И терпенье испытали,
И невесту показали!

Светлокудра Аш-айран,
Словно утро Аш-айран,
Сур-эчки меньшая дочка,
Смотрит мудро Аш-айран.

Смотрит — видит далеко.
Улыбается легко,
Словно яблоко румяна,
И бела, как молоко.
С Молдоджашем посадили,
Все невесту похвалили,
«Вот вам ро́вня,— говорят,—
В красоте, уме и силе.»
Молдоджаш глядит смелей:
Все у ней, как у людей,
Лишь глаза косят немного,
Да высокий лоб круглей.
Вид у ней вполне приличный,
Как у девушки обычной,
Разве лишь звонка походка,
Звонок голос мелодичный!
Молдоджаша угощали,
Угощали, привечали,
В круглых кииков копытах
Гостю пищу подавали.
Сколько ел — не замечал он,
Пищи вкус не различал он,
Ел как будто бы немного,
А живот болел, как встал он...
Полночь над землей идет,
С мест рогатый люд встает.
К гостю Сур-эчки подхо́дит,
Круглый кубок подает.

---

* Джездеке — зятюшка.

Говорит: «Испей, сынок,
Молока козы глоток,
От напитка Кайберена
Станет жребий твой высок.

Выпьешь — станешь веселей,
Что оставишь — наземь лей,
Коль не разлетятся брызги,
Станет жить народ тесней...

А коль брызги разлетятся,
Племена разъединятся,
Издалёка будут в гости
К родичам они съезжаться.»
Выпил кубок Молдоджаш,
Вытер губы Молдоджаш.
Вылил — брызги разлетелись,
Как народ киргизский наш!
Много троп, дорог в горах,
Много гроз, тревог в горах,
Каждому — своя дорога,
Каждому—свой срок в горах.
Аш-айран и Молдоджаша
С песней по земле вели,
Аш-айран и Молдоджаша
В юрту белую ввели,
В юрту тихую ввели,
Поклонились и ушли.
Так пошел по всем дорогам,
По горам и по отрогам
Сказ о юноше одном,
Кайберенов победившем,
И аил их посетившем,
И жену себе добывшем
В сказочном аиле том.

ПЕСНЯ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

О том, как вернулся Молдоджаш с молодой женой на землю кытаев

Песня, солнце сквозь туман,
Средство от сердечных ран,
Пой про счастье Молдоджаша,
Про веселье Аш-айран.
Потухают звезды ночи,
Солнце светит прямо в очи.
Утром небо голубее,
Краски ярче, песни звонче.
Утром Молдоджаш проснулся,
Удивленно оглянулся —
В эту ночь, покуда спал он,
Мир неслышно повернулся:
Козьего аила—нет,
Всех чудес, что были — нет,
Ни дворца, ни белой юрты,
Где их уложили — нет.
Небо светит синевой,
Горный склон порос травой,

Девушка лежит под боком
С золотою головой.
Молока она белей,
Мака горного алей.
Половина козьей шкурки
Постлана в траве под ней.
Очарован и смущен,
К девушке нагнулся он:
Не исчезло б это чудо,
Не растаяло б, как сон!
Та легонько потянулась
И открыв глаза, проснулась.
А проснувшись, по желанью
Молдоджашу улыбнулась.
Он сказал: «Жена, вставай,
Ручку белую давай!»
...И пошли они по склону
В Каракол, в родимый край.
Там в цветущем Караколе
И цветов, и трав раздолье,
На горах блестят снега,
Между гор лежат луга,
Там потоков горных пенье
И богатырей рожденье.
Молдоджаш наш молодой
Шел туда с своей женой.
Шел и думал он: «Как видно,
Я пространствовал завидно —
Я отца исполнил волю,
Людям за меня не стыдно.
Страшная коза седая —
Теща мне теперь родная,
С козьим сказочным народом
Подружился навсегда я.
Где я только ни бывал!
Что я только ни видал!
И красавицу из сказки
Кайберена—в жены взял!..
А собой она мила
И румяна, и бела.
По желанью улыбнулась,
Не исчезла, не ушла.

С молодой женой вдвоем
Я вернусь в родимый дом,
К матери вернусь печальной,
Ночью плачущей и днем.»
Много—мало ли прошли,
В Каракол они пришли,
Эти юные пришельцы
С горной сказочной земли.
А на низком берегу,
На росистом берегу,
Двое мальчиков каких-то
Горько плачут на лугу,
Тут пасут они ягнят,
Меж собою говорят.
Одинаково красивы
Двое маленьких ребят.
«Коджоджаш!» — один кричит,
«Молдоджаш!»— другой кричит,
И печально, и протяжно
Плач их жалобный звучит.
Молдоджаш их подозвал,
Им участливо сказал:
«Что вы плачете, ребята?
Вы похожи, как два брата,
Плакать горько заставляет
Боль какая и утрата?..
Оба вы малы годами,
Заливаетесь слезами...
Что вы плачете? Какие
Имена вы называли?»
И ребята отвечали:
«Много, брат, у нас печали,
Имена отца и брата
Мы в печали называли.
Наша мать навзрыд рыдает,
Кто услышит — тот вздыхает:
Молдоджашевы поминки
Наш аил сейчас справляет.
Дети Зулайки родные,
Братья мы его меньшие.
Плачем мы по Молдоджашу,
В горы он ушел глухие.

Коджоджаш — наш родич старший,
Он ушел и не вернулся,
Молдоджаш—наш братец старший,—
Тоже, бедный, не вернулся!

Еркеджан — меня назвали,
Серкеджан — его назвали,
Сарткошчу мы оба дети,
Оба плачем мы в печали.»
Молдоджаш сказал: «Ерке!»,
Молдоджаш сказал: «Серке! —
Вот он, Молдоджаш, пред вами
И вблизи, не вдалеке!..»
Он раскрыл свои объятья:
«Дайте обниму вас, братья!
Я вернулся... Не поминки,
А веселый пир справляйте.
Очень я горжусь такими
Братиками дорогими.
Хорошо, что вы родились,
Оба выросли большими!
Пусть же скакунов народа
В скачке не обгонит ветер,
Богатырская порода
Множится на белом свете!
Пусть поминки станут пиром,
Горе горькое весельем,
Ссоры и раздоры — миром
И жилище — новосельем!»
Братья с юношей обнялись,
На него полюбовались,
С криком: «Молдоджаш вернулся!»
На становище помчались.
Взял он Аш-айран за руку
И пошел, пройдя скитанье,
Не на горькую разлуку —
На счастливое свиданье.
Травы буйно расцветали,
И цветки — ему навстречу,
На вершинах гор сверкали
Ледники—ему навстречу,
А из белых юрт бежали,

Земляки — ему навстречу.
В белых юртах разжигали
Очаги — ему навстречу.
А встречали — поздравляли,
Целовали, обнимали,
Чтоб к счастливцу прикоснуться,
Очередью люди встали.
Словно быстрый луч весенний,
По аилу весть бежала
И, не оставляя тени,
Лица счастьем освещала.
Зулайка, ее услышав,
«Жеребенок!» — закричала,
Закричала, побежала,
Чуть с разбегу не упала,
Сына нежно обнимала
И невестку целовала.
Карыпбай, как снеговая
Льдина горная седая,
Что подтаяла на солнце,
С шумом ринулся, рыдая,
А когда увидел внука,
Понял, что прошла разлука,
Обнял, по щеке погладил,
А сказать не смог ни звука.
Молдоджаш живой вернулся,
С молодой женой вернулся,
Взял красавицу из сказки
И в аил родной вернулся!
Вид у ней вполне приличный,
Как у девушки обычной,
Разве только голосок
Чуть протяжен и высок,
Лоб круглей, чем у киргизок,
Да походка — скок да скок.
Так поминки пиром стали!
Свадьбу шумную справляли,
Маленький кусочек сала
В руки Аш-айран вручали.
И в огонь то сало бросить
Молодую наставляли.
Сало бросила, смутилась,

Людям в пояс поклонилась...
Эта девушка из сказки
Так с кытаями сроднилась.
И в вечерней темноте
В белой, праздничной юрте
Слушали кытаи повесть
О свершившейся мечте,
Об охотничьем скитанье,
О суровом испытанье,
О победе человека
В богатырском состязанье.
И навек неразделимо
Со скалою Аблетима
Стало имя Коджоджаша,
Где погиб он нелюдимо.

Пой, большая песня, пой
О земле моей родной!
Богатырь один уходит,
А за ним идет другой.

Был прекрасен Коджоджаш,
Смел и страстен Коджоджаш.
Твой бесстрашный путь к вершинам
Не напрасен, Коджоджаш!

Зулайка была умна,
Мать, подруга и жена,
В счастье первой из красавиц
Снова сделалась она.

Поседелый Карыпбай,
Престарелый Карыпбай,
Пусть себе живет спокойно
Голубь белый Карыпбай.

Обездолен был народ,
Недоволен был народ,
А свою почуял силу —
И доволен стал народ.
Тот, кто в путь уходит дальний,
Обязательно вернется,

В очаге потухшем пламень
Обязательно зажжется,
Станет радостным печальный,
Потерявшийся — найдется!
И поминки станут пиром,
Распри и раздоры — миром,
Горе горькое — весельем,
Горы, долы — новосельем.

Песня — чашею на пире!
Выпей и на дно смотри —
Вот какие были в мире
Добрые богатыри!..
Эту чашу круговую,
Эту песню дорогую
Эрбатыру Молдоджашу
Я за подвиги дарую!
Коджоджаша — помяните,
Молдоджаша — похвалите,
С уваженьем и любовью
По земле родной ходите!

Было это или нет?..
Кто услышал — дай ответ,
Издавна рассказ ведется,
Из глубин минувших лет.

Жили люди на земле,
Их огонь угас в золе,
Но о них осталась память
И горит звездой во мгле.
Но таят вершины гор
Их могучий разговор,
И шумит об их деяньях
Весь подсолнечный простор.

Наши горы — высоки,
Их просторы — широки!
...И рассказ на этом кончить
Разрешите, земляки.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр

Песня первая. О сыне Кырыпбая, охотнике Коджоджаше из рода кытая 3
Песня вторая. О дочери Караконджо, Зулайкой названной . . 7
Песня третья. О том, как исполнялось и не исполнялось желание Зулайки 11
Песня четвертая. О том, как Зулайка ждала Коджоджаша, а Коджоджаш ждал Зулайку 16
Песня пятая. О том, как не понравился Зулайке Коджоджаш. 20
Песня шестая. О том, как и на свадьбе пригодился Акбаран Коджоджашу 25
Песня седьмая. О том, как ехал и приехал Коджоджаш с Зулайкой на землю кытаев и как забывал он о своем охотничьем ремесле 35
Песня восьмая. Про удивительный сон, приснившийся охотнику Коджоджашу 39
Песня девятая. Про страшный сон серой козы Сур-эчки . . . 48
Песня десятая. Встреча Коджоджаша с серою козою 54
Песня одиннадцатая. Клятва Коджоджаша, клятва Сур-эчки. 61
Песня двенадцатая. О том, как пришла Сур-эчки к Коджоджашу 68
Песня тринадцатая. О том, как гнался Коджоджаш за Сур-эчки 76
Песня четырнадцатая. О том, как Зулайка искала Коджоджаша 88
Песня пятнадцатая. О том, как встретились Зулайка и Коджоджаш 95
Песня шестнадцатая. О том, как взошел Коджоджаш на неприступную скалу Аблетим 101
Песня семнадцатая. О том, как спасали и не спасли Коджоджаша кытаи 106
Песня восемнадцатая. Смерть Коджоджаша 114
Песня девятнадцатая. О том, как шли дни и родился у Зулайки сын Молдоджаш 124

Стр.

Песня двадцатая. О том, как Зулайка стала женой Сарткошчу, а сын ее Молдоджаш встретил в горах охотников . . 129
Песня двадцать первая. О том, как пришел Молдоджаш в юрту Зулайки и услышал ее рассказ о своем отце 138
Песня двадцать вторая. Молдоджаш советуется с народом, получает от Зулайки ружье Алмабаш и уходит на поиски скалы Аблетим 145
Песня двадцать третья. О том, как странствовал Молдоджаш и услышал голос горы Мискин. 150
Песня двадцать четвертая. Встреча Молдоджаша с серою козою, длинная. Дорога по крутым горам 155
Песня двадцать пятая. О том, как поймал Молдоджаш Сур-эчки и завел ее на аблетимский камень 163
Песня двадцать шестая. О том, как пришел Молдоджаш в гости к Сур-эчки и увидел сказочную девушку Аш-айран . 168
Песня двадцать седьмая. О том, как вернулся Молдоджаш с молодой женой на землю кытаев 174

СКАЗАНИЕ ОБ ОХОТНИКЕ КОДЖОДЖАШЕ

КИРГИЗСКИЙ ЭПОС

Записано со слов сказителя *Алымкула Усенбаева*
Перевела с киргизского *Светлана Сомова*

Редактор *В. Луговской*
Оформление *В. Г. Рогачева*
Худож. редактор *И. А. Ефимов*
Технич. редактор *С. Чотиев*
Корректоры *Л. И. Квятковская, П. С. Лесничая*

Сдано в набор 19/XI 1957 г. Подписано к печати 22/I 1958 г. Бумага 84×108$^{1}/_{32}$. 5,75 физич. печ. л., 9,42 условн. печ. л., 9,3 уч.-изд. л.. Тираж 30000 экз. Заказ № 2943. Цена без переплета 4 р. 70 к. Переплет 1 р. 50 к.

Фрунзе, тип. № 1 Главиздата Мин. культ. Кирг. ССР